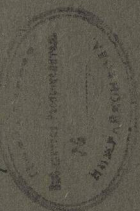

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

Ар.р. / 253(2)

15-16

АВГУСТ

1 9 2 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ.— Где главная опасность	3
А. КУРЕЛЛА.— II Интернационал и война	11
И. ПЕТЕРМЕЙЕР.— Славная традиция	20
Я. РУБИНИШТЕЙН.— Банки в Советском Союзе	31
П. СЕГАЛ.— Первые шаги и уроки	42
ИНПОЛИТ.— Последнее слово подсудимого	59

Дискуссионный отдел

М. ЕВДОКИМОВ.— Критические заметки	72
В. Р.— За единый боевой орган	77

Критика и библиография

ИНПОЛИТ.— В. И. Ленин. Пути английского рабочего движения	82
Я. К. РУБИНИШТЕЙН.— Мировое хозяйство	84
А. ГОРУНОВИЧ.— Социалистическая рационализация производства и задачи экономической работы ВЛКСМ	87

Выходит с 1918 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
Ц К В Л К С М

АВГУСТ

№ 15 — 16

Ac. p. 1253(2)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1927

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1 мес 65 к. || 6 мес . . . 3 р. 70 к.
3 мес . . . 1 р. 90 к. || 12 мес . . . 7 р. 20 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В Главной Конторе периодических изданий
Из-ва «Молодая Гвардия»: Москва, Твер-
ская, № 37; в отделениях и магазинах
«Молодой Гвардии» и во всех почтово-
телеграфных конторах СССР.

Где главная опасность

Главное в арсенале всякой войны — сплоченность, дисциплинированность, боевая готовность господствующего класса и, следовательно, его партии. Без этого, очевидно, невозможно проведение предварительной подготовки к войне и проведение самой войны.

И мы видим, как господствующая партия империализма (твердолобые консерваторы в Англии) последовательно проводит в жизнь давно написанный на их знамени лозунг: «Война советам».

Открытая подготовка войны против СССР со стороны английской буржуазии ясна.

Только социал-предатели позволяют себе еще сомневаться в этом. Впрочем, сомнения их вполне понятны. Так называемый «социалистический» II Интернационал выродился со времени последней империалистической войны в прямой инструмент капиталистического государства для эксплуатации и угнетения масс, для одурачивания и запугивания масс. Этот инструмент в руках капиталистов ничем не хуже таких прямых методов насилия и порабощения рабочего класса, как, скажем, армия тюрьмы, классовый суд и т. п. прелести капиталистической демократии.

Они сомневаются, ибо это их обязанность, ибо это работа, порученная хозяевами, с целью, с одной стороны, подготовки масс мелкой буржуазии и крестьянства к войне, с другой стороны, с целью усыпить бдительность пролетариата, раздробить его силы, отвлечь его от подготовки войны правительствами капиталистических стран против СССР. И чем больше капиталисты нажимают на вооружение, тем больше социалисты сомневаются. И даже, больше того — предатели, распинаясь о преувеличении опасности войны против СССР, указывают на СССР и большевизм, который, дескать, служит угрозой миру.

Открытая подготовка войны капиталистами, со всеми их социалистическими прихлебателями, — вот основное, что отмечаем мы в этот период. Каковы же наши задачи, задачи коммунистов и комсомольцев всех стран?

Они двоякого рода:

- 1) задачи международного порядка,
- 2) задачи внутреннего порядка.

Мы не должны ни на минуту забывать, что СССР не просто наше российское национальное государственное объединение, а что СССР есть страна пролетарской диктатуры, во-первых, и социалистическое отечество для всех трудящихся и угнетенных — во-вторых.

Еще в 1902 году Ленин в брошюре «Что делать» писал, что «история поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата, какой-бы то ни было страны. Осуществление этой задачи — разрушение самого могучего оплота, не только европейской, но так же и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». (Ленин, т. V, стр. 138).

Русская революция в октябре 1917 года окончательно разбила и уничтожила российский царизм, тем самым русский рабочий класс стал в авангарде мирового пролетариата, прорвав цепь империалистического насилия и угнетения и показав пример всему мировому пролетариату.

Завоевание русских рабочих было завоеванием всего мирового пролетариата, — это во-первых; во-вторых, как страна диктатуры пролетариата, мы не могли и не можем застыть только на этом. Всеми силами и средствами мы должны были и должны будем помогать пролетариату других стран прийти к победе над своей собственной буржуазией (мы помогаем рабочим других стран, помогаем делу мировой революции хотя бы тем, что даем у себя приют Коминтерну). Как страна, где рабочий класс вот уже десять лет как стоит у власти, мы должны были показать и показываем, что трудящиеся могут обойтись без капиталистов, что рабочие могут не только наладить хозяйство и дать трудящимся работу и материальную обеспеченность, но что русские рабочие, окруженные со всех сторон врагами, успешно начали и успешно продолжают подлинное социалистическое строительство. Рабочие делегации, приезжавшие к нам, могли в этом убедиться и убедиться.

Не забывая это, мировое значение нашей революции и нашей страны, как цитадели для развертывания мировой социалистической революции, мы должны в подготовке войны капиталистическими странами противопоставить нашу подготовку.

Из международного характера нашей революции вытекает задача русских рабочих и крестьян — постоянно готовиться к нападению на первое в мире «социалистическое отечество рабочих», неустанно сохранять политику мира, разъяснять рабочим и трудящимся других стран, кто готовит войну, указать им путь предотвращения этой войны. Вернее, путь превращения ее из войны капиталистической в войну гражданскую.

«Задача состоит в том, чтобы бить тревогу во всех странах Европы об угрозе новой войны, поднять бдительность рабочих и

солдат капиталистических стран и готовить массы, неустанно готовить к тому, чтобы встретить во всеоружии революционной борьбы все и всякие попытки буржуазных правительств к организации новой войны». (И. Сталин — «Заметки на современные темы»).

Очевидно, что для того, чтобы раз'яснить, организовывать, готовить, для этого должен быть подготовлен сам господствующий, руководящий класс, т. е. пролетариат и его партия.

Без этой готовности, без понимания того, что в противовес подготовке капиталистами войны мы должны развернуть бешеную работу по подготовке к обороне, без понимания, что мы готовим защиту социалистического отечества, оплота мировой революции, — мы потерпим поражение.

Кто не выполняет этой задачи, кто бездействует, кто «сомневается» в необходимости такой подготовки и в международном значении нашей революции, тот помогает нашим врагам, тот дезорганизует наши ряды, тот вышибает из рук пролетариата его самое могучее орудие—единство, железную дисциплину и боевую готовность.

После всего вышесказанного становится ясным, что вопрос о новой войне, об отношении к ней всей массы трудящихся, всех революционеров—является тем оселком, на котором проявляется действительная революционность и готовность не только на словах, но и на деле защищать революцию.

Посмотрим же, как ведет себя наша оппозиция в этом коренном вопросе всех вопросов.

«Опаснейшей из всех опасностей является партийный режим» — вещает вождь оппозиции тов. Троцкий.

«Они (капиталисты) наступают с таким нахрапом и с такой самоуверенностью потому, что у нас далеко не все верно и что крупные ошибки нами были допущены», — пишет второй столп оппозиции тов. Зиновьев.

Таким образом, здесь (как это ни печально у марксистов), все поставлено вверх ногами, и все обращено в свою собственную противоположность. Марксистский, ленинский анализ учит нас, что война есть выражение классовой борьбы, что войны коренятся в глубоких экономических причинах, что в частности новая война вызывается тем, что империалистов не удовлетворяет передел мира, что они вынуждены воевать из-за новых рынков, что СССР мешает им совершить этот передел. Но вот приходит тов. Зиновьев, претендовавший когда-то на роль учителя молодежи, и заявляет с таким нахрапом и с такой самоуверенностью, что «они наступают, ибо мы ошиблись». Мы сами, выходит, вызвали войну.

Ленин, обучая нас азбуке марксизма, указывал, что главный залог победы пролетариата в железной дисциплине, в крепости и единстве партии, что главная опасность в расхлябанности, недис-

циplinированности, в забвении живого дела перед левой фразой; но приходит тов. Троцкий и возмущает, что главная опасность в партийном режиме (т.е. в дисциплине, в сплоченности, в готовности к обороне).

Что сказать после этого по поводу всех этих речей. Оппозиция ничего не приобрела (растеряла последнее, что было еще у ней ленинского) и ничему не научилась.

Как бы трудна и сложна ни была наша международная и внутренняя обстановка, как ни трудны и ни сложны были бы вопросы, встающие сейчас перед молодежью и перед ее активом, но в этом вопросе, мы азбуки ленинизма не забыли, мы ее никому не отдадим и ни на какую хлесткую фразу не променяем.

Из этой, с позволения сказать, принципиальной платформы вытекает их подготовка к войне.

«Борясь за правильную революционную линию против Сталина, мы тем самым готовим наилучшие условия борьбы против Чемберлена». (Троцкий — письменная речь на пленуме ИККИ).

Это, так сказать, лозунг для внутреннего употребления. Это призыв к рабочим СССР, призыв бороться против войны путем борьбы с партией, со Сталиным, с диктатурой пролетариата.

А вот лозунг для пролетариата и для трудящихся других стран.

«Первый вопрос, который станет — кто ведет войну, какой класс руководит этой борьбой?» (Зиновьев).

Разве это не ясно?

Войну ведут капиталисты, руководит защитой социалистического отечества рабочий класс СССР — призывая на помощь пролетариат других стран.

Оказывается, что это ясно всем, только не Зиновьеву.

«Малейшее толкование войны, в том смысле, что мы ведем войну вместе с кулаком, в союзе или полусоюзе с новой буржуазией, погубило бы нашу революцию». (Зиновьев).

Не ясно ли теперь, зачем тов. Зиновьев спрашивает, кто будет вести войну. Он хочет получить не ответ на этот вопрос, а он дает сигнал всем предателям, всем лже-социалистам сомневаться в том, что война будет вестись рабочим классом. Что значит в таких случаях сомневаться, мы уже показали. А что это так, а не иначе, нас убеждает в этом Троцкий: «при сталинской политике (т.е. при политике Центрального Комитета), при искривленной политике война будет невыгодна рабочему классу». Иными словами, пролетариату СССР и мировому будет выгоднее военное поражение СССР?

Раз невыгоднее одно, значит будет выгоднее другое? Не так ли? Двух ответов на этот вопрос быть не может.

Таков дурнопахнущий букет... из цитат и речей вождей оппозиции, спрашивающих: «кто будет вести войну», «во имя

чего», «с какими средствами». Спрашивающими у своего Центрального Комитета партии, партии, в которой они еще состоят, но которую они предадут.

Сопоставьте эту развернутую программу действий оппозиции на время войны с речами о невозможности построить социализм в одной стране, о кулацком перерождении, о далеко непролетарском характере нашего государства и вам станет ясна вся пораженческая линия оппозиции. Ленин писал в 1917 г., после октября, что мы были пораженцами до октября и стали оборонцами после октября 1917 г., ибо мы желали ранее поражения капиталистического государства, а ныне (после октября) обороняем свое социалистическое государство. Оказывается, по «учению» оппозиции, можно быть пораженцем «по отношению к своему» отечеству, вопреки Ленину, даже в 1927 г.

Но эту азбуку ленинизма мы также не отдадим никому, и здесь мы достаточно подготовлены, чтобы понять, где главная опасность. Нас тащат назад от Ленина слишком грубо, слишком неприкрыто. Мы на примере оппозиции, на примере ее программы в вопросе о военной опасности, учимся бороться за ленинизм, против беспринципности, против капитулянтства, пораженчества, паники в момент испытания для пролетариата. Образчик беспринципности оппозиции еще жив в нашей памяти. Вот он:

«Мы решительно осуждаем такую критику Коминтерна или политики нашей партии, которая (критика) переходит в травлю, ослабляющую положение Коминтерна, как боевой организации мирового пролетариата, ВКП(б), как передового отряда Коминтерна или СССР, как первого государства пролетарской диктатуры» (заявление оппозиции от 16 октября 1926 г.).

Единство, сплоченность, железная дисциплина, бешеная работа по подготовке молодежи к войне, решительная и последовательная борьба с оппозицией, — вот чем ответит комсомол, передовая часть молодежи и актив молодежи на «опаснейшую из всех опасностей» — новую военную угрозу.

Наша работа по подготовке обороны СССР совпадает с 20-летием юношеского пролетарского движения, с празднованием очередного XIII Международного Юношеского Дня.

24—26 августа 1907 года в Штутгарте была созвана первая международная конференция юношеских организаций. На этой конференции и было создано «международное объединение социалистических юношеских организаций», из которой потом вырос Коминтерн Молодежи. Конференция прошла тогда под знаком объединения трудящейся молодежи всего мира против военщины, против милитаризма.

С тех пор прошло 20 лет. Мировое юношеское движение прошло через горнило войны, черного предательства и измены социалистов, прошло через бурные революционные годы, чтобы стать одним из крепких боевых отрядов Коминтерна.

Ныне, мы с гордостью можем указывать не только на растущую количественно армию комсомольцев в таких странах, как Китай, где, казалось, даже мысль об организации трудящейся молодежи недопустима, но мы можем указать, как через тысячи препятствий в архи-трудных и сложных условиях комсомол с честью проносит знамя ленинизма.

Левое революционное крыло II Интернационала, поддерживавшее тогда юношеское движение (Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Ленин) могло бы сейчас гордиться своим детищем.

Но Карл Либкнехт, чей боевой революционный дух воодушевлял первую штуттартскую конференцию, — сложил свою голову в застенках «демократической республики». Ныне уместно более, чем когда бы то ни было отпраздновать наше двадцатилетие напоминанием о том, что Карл Либкнехт был прежде всего неутомимым бойцом против интернационалистической военщины, против капиталистических войн.

XIII Международный Юношеский День и празднование 20-летия пролетарского юношеского движения должны вылиться в грандиозную демонстрацию всей трудящейся молодежи против новой войны, в демонстрацию готовности молодежи в случае возникновения войны обратить оружие против своего классового врага — буржуазии.

Ленин писал, что только дурачки от социал-пацифизма думают, что войну можно приостановить или не дать ей развиваться объявлением всеобщей стачки, демонстрацией против войны и т. п.

Войны неизбежны до той поры, пока существует капитализм. Война против СССР всего капиталистического мира неизбежна пока существует СССР и существует капитализм. Не болтать о предотвращении войны, а готовиться к ней, готовиться к тому, чтобы превратить ее в гражданскую войну, — такова должна быть установка наших союзов.

На I конференции социалистических юношеских организаций в Штуттгарте в 1907 г. не было еще такой ясной ленинской постановки вопроса. Конференция вынесла только решение бороться против войны, а как, каким образом, каким методом — этого не было сказано. Потребовалось 20 лет, чтобы лозунг «войну империалистическую превратить в войну гражданскую» стал основным боевым лозунгом всего пролетарского мирового юношеского движения.

Но, несмотря на тот опыт борьбы, который есть у наших союзов, несмотря на то, что в основном пролетарское юношеское движение идет под ленинскими лозунгами, мы не можем утверждать, что пацифистские иллюзии целиком и полностью изжиты в нашем Интернационале, в нашем движении. Вот как оценивает положение только что прошедший пленум ИК КИМ:

«Антимилитаристская работа КИМ'а за последнее время значительно усилилась как в международном масштабе, так и

в важнейших странах; однако, эта борьба против милитаризма была удовлетворительным образом разрешена лишь рядом секций, тогда как большинство секций пренебрегало этой областью работы. Это произошло потому, что ряд секций ложным образом считал военную опасность не столь большой по причинам известной «национальной ограниченности». Кроме того, все еще проявляется большая неясность среди членов многих союзов в понимании наших основных принципов в вопросе милитаризма и войны» (из резолюций пленума).

Изжить эти пацифистские ошибки, развернуть разъяснительную работу среди массы членов союза о войне и об отношении к ней коммунистов и развить практическую работу в армии и флоте,—таковы очередные задачи КИМа (а следовательно, и наши).

В правильном понимании военной опасности (не в таком, как у нашей оппозиции) нашими коммунистами кроется боеспособность пролетариата.

По отношению к комсомолу СССР эти неправильные, глубоко вредные тенденции понимания войны могут выявиться, во-первых, в непонимании международного характера нашей революции, во-вторых, в преувеличении роли международного пролетариата в предотвращении войны.

Первый уклон выражается в сногсшибательном боевом настроении («шапки закидаем», «Россию победить англичанке никак не возможно» и т. п.). Насчет тех, кто преувеличивает нашу военную мощь, распространяться нечего. Это преувеличение есть оборотная сторона паники, так сказать, паника наизнанку. Мы отстаем и отстаем от военной техники империалистических государств, но все слухи о их военной мощи также преувеличены. Кроме того, воюют не вещи, а люди; поэтому мы по сравнению с капиталистами выигрываем если не в технике, так в целом ряде других моментов (наша сознательность, поддержка всего населения и т. п.); такова должна быть правильная постановка вопроса о возможном исходе навязанной нам войны.

Как часто известная часть нашего актива, особенно низового, уклоняется в своей пропагандистской разъяснительной работе от этой единственно правильной постановки вопроса.

Второй уклон еще вредней первого, ибо «уклонности» этого порядка берутся говорить о том, чего не знают.

Конечно, пролетариат всего мира будет бороться против войны, против новой интервенции СССР, но сила буржуазно-капиталистического орудия угнетения и воспитания (включая сюда армию, тюрьмы, церковь, школы, газеты, II Интернационал, — словом, весь современный государственный аппарат капитализма) так велика, что пролетариат может оказаться дезорганизованным, обманутым, увлеченным на путь войны.

Ленин особенно предостерегал (в своем наказе нашей делегации на Генуэзскую конференцию) от такого легкомыслия: «Вопросы о защите отечества, — писал он, — громадное большинство трудящихся будут решать в пользу своей буржуазии, в силу давления государственного аппарата буржуазии».

Этих слов Ильича не должны забывать, особенно в нынешний период, те товарищи, которые раз'ясняют про военную опасность.

Вызывая надежду трудящихся СССР, не желающих войны, на то, что «завось она не будет, рабочие не допустят» — они усыпляют бдительность пролетариата и уменьшают его боеспособность.

Не тешить себя никакими иллюзиями, не поддаваться ни на какую левую хлесткую фразу, бешено бороться против дезорганизаторской работы оппозиции в этом вопросе, улучшать и развивать по всем направлениям военную подготовку молодежи, — таковы тяжелые и сложные задачи, которые выдвигаются перед нашим активом современной обстановкой. И нет сомнения, что весь актив, весь союз с должным умением, последовательностью и твердостью решит эти задачи. И нет сомнения, что весь комсомол, как один человек, поймет, где главная опасность, и сделает для себя теоретические и практические выводы.

II Интернационал и война

Каждого из нас интересует вопрос, что мы можем сделать для того, чтобы помешать безусловно подготовляемой против СССР войне или, если она все же начнется, чтобы сократить ее.

Важнейшей силой, которая может явиться препятствием или средством для ослабления войны, всем нам представляется *международный рабочий класс*.

Мы как будто бы знаем, что *массы пролетариата* определенно настроены *враждебно по отношению к войне*. Однако, это относится к массам в целом. Как же обстоит дело с организованным пролетариатом?

В отношении части организованного рабочего класса, той его части, которая находится под руководством *Коминтерна*, ответ ясен. Со времени основания III Интернационала и особенно в последние месяцы, коммунисты показали, что они готовы и способны всеми средствами бороться против войны¹.

Как, однако, обстоит дело со *II Интернационалом*?

Этот вопрос особенно важен потому, что сейчас большинство организованных рабочих находятся в рядах II Интернационала.

Внешний облик

(Международные решения)

Оставим в стороне все воспоминания о далеком прошлом, о Штуттгартском и Базельском конгрессах, о 1914 году. Возьмем последние международные решения II Интернационала о военной опасности в настоящий момент.

Сперва одно замечание. Тогда как еще летом 1926 года II Интернационал отвергал наличие какой бы то ни было *военной опасности*, с января 1927 года он эту опасность *признает официально*.

Так, в воззвании февральского пленума Исполкома II Интернационала говорится:

«Империалистическая политика держав вновь вызвала во всех частях земного шара опасность войны... (следует перечисление различных конфликтов — А. К.). Из гражданской войны в Китае грозят вытечь события, которые могут явиться опасными для международного мира».

Точно также «Бюллетень» Амстердамского Интернационала за январь 1927 года пишет:

«Вновь во всех частях мира возникает опасность войны (и здесь также следует перечисление различных конкретных источников конфликтов — А. К.).

¹ См. брошюру того же автора — «Международный пролетариат на страже СССР.» «Моск. Раб.», 1927.

К этим официальным декларациям можно было бы присоединить многочисленные заявления социал-демократических газет, высказывающихся в том же духе.

«Левая» социал-демократия идет еще дальше и открыто, как и Коминтери, заявляет, что ближайшей опасностью является война Англии против СССР. Так, Отто Бауэр в венской «Рабочей газете» от 6 июля с. г. пишет:

«Английский империализм несомненно пытается в политическом и экономическом отношении окружить СССР и это, несомненно, может привести к войне».

Все ж таки Бауэр заявляет, что «непосредственной опасности войны нет».

Какие же директивы дает II Интернационал своим членам в связи с опасностью войны и, прежде всего, в связи с угрозой войны против СССР? На последнем конгрессе этого Интернационала (Марсель, в августе 1925 г.) II Интернационал обещал вопрос Советскому Союзу. Хотя смысл аналитической части принятой там резолюции по этому пункту заключался в том, что большевистская Россия является, якобы, одним из основных нарушителей мира,^{*} но все же в резолюции говорится:

«Пролетариат должен всеми силами бороться против всякого политического окружения и экономического бойкота Советов и всеми средствами, в том числе и революционными, показать господствующим классам свою готовность помешать любой войне против СССР. Это должно быть высшей директивой для международной политики пролетариата».

К борьбе за мир призывал также и февральский пленум II Интернационала. В том же тоне было составлено и его первомайское воззвание.

В одной резолюции, принятой 14 июня Исполкомом Социалистического Интернационала Молодежи по вопросу о военной опасности, говорится, наконец:

«В тесной связи с социалистическим Рабочим Интернационалом Социалистический Интернационал Молодежи всегда всеми силами содействовал борьбе с опасностью войны, которая в последнее время особенно остро вызвана фашистской политикой в Албании и политикой империалистических правительств в Китае.

И в новом тяжелом конфликте между Англией и СССР Социалистический Интернационал Молодежи готов вместе с Социалистическим Рабочим Интернационалом к решительной борьбе против реакционных нападков консервативного правительства Англии на Россию.

Социалистический Интернационал Молодежи вместе с международным социалистическим пролетариатом дружным фронтом противостоит любой политике изоляции и бойкота России, которая ведет к опасности военных осложнений и победы иностранного капитализма над русским пролетариатом».

Для характеристики тона официальных органов и брошюр II Интернационала по этому вопросу приведем еще пару цитат из недавно вышедшей в свет брошюры Юлиуса Дейтша «Вооруженная сила и социал-демократия»:

«Однако, подымающееся, осознающее себя движенье трудящихся классов не может ни в одной области, в том числе и в этой, предаваться бездейтельному фатализму. Оно должно противодействовать военной опасности».

И далее:

«Социал-демократия в каждой стране обязана всеми находящимися в ее распоряжении средствами противостоять националистическим и империалистическим войнам».

Читая все эти документы, можно прийти к мысли: все в лучшем порядке; *II Интернационал готов всеми средствами противодействовать войне и, особенно, войне против СССР.*

Двойная бухгалтерия

Из истории мы, однако, уже научились кое-чему о соотношении между словами и делами социал-демократии. Мы знаем теперь, что составной частью тактики социал-демократии, как *буржуазной партии с пролетарской базой*, является вполне определенная *двойная бухгалтерия*.

Тогда как наружу, в резолюциях, составляемых для масс, которыми хочет руководить социал-демократия, выставляется пролетарская программа, практически, там, где нужно защищать буржуазные интересы, ведется «повседневная политика», которая идеологически и материально ведет массы за колесницей буржуазии.

В этой статье мы хотим дать *представление об этой двойной бухгалтерии и механизме предательства*, который функционировал в 1914 г. и который, в чем мы вполне уверены, будет действовать и в случае новой войны.

Действительное существование этой двойной бухгалтерии можно иногда непосредственно увидеть из слов неосторожных социал-демократических писак. Вышецитированный Ю. Дейтш в одном месте своей брошюры пишет, например:

«Эта позиция (подразумевается предательство в августе 1914 года — *А. К.*) не противоречит партийной программе (здесь, очевидно, подразумевается базельская программа — *А. К.*). Она только задела пацифистские чувства многочисленных товарищей, которые еще не поняли *противоречия*, существовавшего *между их взглядами и позицией партийного руководства*¹.

Двойная бухгалтерия имеет такую схему:

1. Проводится разделение труда между «левыми», которые играют роль теоретиков и составителей программ, и стопроцентными оппортунистами, которым предоставляется проведение «практической повседневной работы», и которые фактически решают судьбы партии.

2. Международные решения «толкуются» в зависимости от необходимости.

3. Каждая партия, хотя она и участвует в принятии международных решений, имеет право в своей стране вести «свою политику» т.е. ту политику, которая диктуется ей позицией «ее» буржуазии.

¹ Курсив наш—*А. К.*

«Левые», вперед!

Возьмем упоминавшуюся нами выше резолюцию Марсельского конгресса об «обязанности защищать СССР».

Как была вынесена такая резолюция?

Летом 1925 г. в свет вышла стяжавшая печальную известность брошюра Каутского, в которой он изображал Россию очагом варварства и реакции и дошел до того, что требовал участия социал-демократов в вооруженном восстании против СССР.

Эта точка зрения Каутского нашла поддержку или молчаливое одобрение со стороны всей социал-демократической прессы, за исключением нескольких левых газет. Тогда можно было предполагать, что эта линия будет принята и на предстоящем осенью того же года конгрессе II Интернационала.

Однако, получилось иначе. Конгресс охарактеризовал Советский Союз, как один из главных нарушителей международного мира, но затем в резолюции зазвучал цитированный выше *призыв к защите СССР*.

Это было сделано по предложению «левого» Отто Бауэра, который, если мы не ошибаемся, сам редактировал текст. Некоторые наивные люди говорили тогда о «победе левых».

Что же, однако, произошло в действительности? Отто Бауэр в уже цитированной нами последней статье о военной опасности («Рабочая Газета», в номере от 6 июля 1927 года) сам разоблачает *сущность этой комедии*. В этой статье говорится:

«Социал-демократия маленькой Австрии может тем легче выполнить свой долг (подразумевается защита СССР—А. К.) потому, что в Австрии нет той ненависти, которая существует там, где большевизм сильнее. Поэтому именно австрийские социал-демократы могли на всех конгрессах и заседаниях бюро Исполкома Интернационала, несмотря на разногласия, существующие между социал-демократами и большевиками, выступать в защиту великой русской революции от контр-революции и империализма. Австрийская социал-демократия будет проводить эту политику и в будущем».

Мы видим здесь вполне ясно, как «левые» используются для ни к чему не обязывающего выступления.

Однако, одновременно Отто Бауэр дает понять, как *практически незначительно* это выступление «левых» и постановление конгресса:

«Эта задача (защита СССР социал-демократами) затрудняется, однако, противоречиями между европейским социализмом и русским большевизмом. Особенно она затрудняется грубостью русских по отношению к английским профсоюзам, которые обратили внимание русских на то, что расстрелом 20 они играют на руку английским империалистам, использовавшим в своих целях жестокость германской армии в мировой войне. Таких поступков не совершает ни одно правительство в Европе, это допустимо только в момент гражданской войны... Противоречия между большевизмом и социализмом не могут быть устранены в один день. Это произойдет лишь с годами, вместе с изменением мирового положения на Западе и на Востоке».

Нужно уметь читать здесь между строк. Это напоминает анекдот о том богаче, который говорит своему бедному брату: «Я дам тебе завтра половину своего состояния. Серьезно! Только ты должен сегодня... повеситься! Как? ты не хочешь? Ну что же, тогда ты сам виноват в том, что не получишь моих денег».

— Мы будем защищать Россию всеми средствами; всеми средствами и даже революционными, — говорит Отто Бауэр. — Только сперва должно быть устранено противоречие между большевистской и западной точками зрения. Ликвидируйте немножко диктатуру пролетариата, террор и Коминтерн. Вы не хотите? Ну что ж, но не удивляйтесь тогда, если мы вместе с нашей буржуазией поведем против вас, варваров и нарушителей мира, маленькую войну!

Борьба против России — «как я ее понимаю».

Во время войны в Германии некий господин Михаэлис, профессор теологии, стяжал себе бессмертную славу. Будучи призван кайзером Вильгельмом на пост рейхсканцлера для того, чтобы бороться против оппозиционно и демократически фразирующих «левых» партий, он торжественно обязался перед рейхстагом провести желанную демократизацию. Когда же он затем стал действовать в совершенно противоположном духе, он заявил: я провожу демократию именно так, «как я ее понимаю».

«Именно так» поступают вожди социал-демократии. В резолюциях они превозглашают борьбу всеми средствами против окружения России. На практике же они всемерно, как нам хорошо известно и как почти ежедневно вновь сообщают газеты, поддерживают именно эти маневры постепенного окращения СССР.

Они начинают с того, что *вновь отрицают* наличие военной опасности и подготовки нападения на СССР (что они только что сами предсказывали). Это было сделано в одной статье Вандервельде, которая, очевидно по приказу, была отпечатана во всей социал-демократической прессе. Это сделал и «Форвертс», заявивший по поводу тезисов ИККИ о военной опасности, что в них речь идет лишь о призраке. Вандервельде на Женевской конференции еще раз заявил: «В рассказах о священном союзе нет ни слова правды».

Следующим шагом является *новое «изложение» сущности военной опасности*. Н. Жордания, через месяц после февральского пленума Исполкома II Интернационала, пишет:

«Как известно, по мнению Интернационала военная опасность вытекает не только из капитализма, но и из большевизма. *Опасность со стороны последнего сейчас актуальней, чем первая. В Москве таится величайшая опасность мировой войны.*¹

Особенно усердна в такого рода «толкованиях» голландская социал-демократия.

Макдональд также не отсутствует в этом концерте. Во французском журнале «Новая Европа» он пишет:

«Россия не является мирным государством. В настоящее время ее усилия направлены на ее внутреннее развитие, однако, в той же степени, как мы поддерживаем ее ложную политику изоляции, Россия естественным ходом вещей становится источником затрудне-

¹ Курсив ваш — А. К.

ний... Благодаря близорукому состраданию других народов, революция потеряла всякую меру и одним ударом разрушила международную безопасность».

После подобных «толкований» начинаешь совершенно по-иному понимать смысл таких заявлений, как следующее (из уже цитированной выше резолюции Исполкома Социалистического Интернационала Молодежи):

«Установление мирных политических и экономических отношений между Россией и другими государствами является одновременно действительнейшим средством для преодоления большевистских иллюзий и методов. Ибо демократическая Россия является лучшей твердыней мира, а также освобождением русского пролетариата от террора и угнетения. Она открывает путь к окончательному объединению пролетариев всех стран».

Вместе с бауэровской болтовней о противоречиях между русским и западным пониманием социализма, это является базой для новых женеvских мелодий: единый фронт цивилизованных держав против большевизма (но не против России, боже упаси!).

«Коммунистический Интернационал питает иллюзии, что освобождение рабочих может быть принесено им на штыках победоносных Красных армий и что для осуществления мировой революции необходима новая мировая война. Коминтерн подбадривает революционное движение в Азии и Африке в надежде, опираясь на него, путем войны нанести капитализму смертельный удар. Из этих противоречивых тенденций вытекает серьезная опасность новой мировой войны».

Так говорится в аналитической части марсельской резолюции.

Влево, вправо, раз, два, три: *лучшей твердыней мира является установление демократии в России, т.-е. устранение большевизма.*

Направо, марш! В ряды единого фронта Чемберлен—Бриан—Штреземан!

Так, с точки зрения двойной бухгалтерии выглядит «борьба за Россию» «Именно так, как я это понимаю», — удовлетворенно кивают головами старые «левые» социалисты Каутский, Бриан и Муссолини!

В первую очередь защищайте отечество

Какая польза была бы, однако, от того, если бы даже постановление Социалистического Интернационала принималось всерьез и не превращалось в противоположность тому, о чем оно как будто бы говорит?

II Интернационал вовсе и не претендует на то, чтобы быть организацией, руководящий центр которой принимает обязательные для всех решения. Вспомним только, что некоторые из тех, кто заседает сейчас во II Интернационале, некогда одной ногой или даже обеими были у нас. И они ушли потому, что *принципиально оспаривали* возможность работы на базе мировой партии, *руководимой единым образом из единого центра.*

Разве могло бы быть иначе? Каждая социал-демократическая партия работает, как придаток буржуазии своей страны. Во всех решающих вопросах она идет нога в ногу со «своей» буржуазией.

Мы не хотим здесь останавливаться на тех многочисленных маневрах, которыми правые «практики» связывают социал-демократические партии всех стран с политикой буржуазии; и при том так крепко, что в момент начала войны ни одно усилие обманутых масс, как бы сильно оно ни было, не может их разделить. Возьмем только одну область, имеющую особое отношение к войне — *политику в вопросе обороны.*

II Интернационал в целом, т.е. каждая его секция, стоит вехи на точке зрения защиты отечества.

Большинство социал-демократических рабочих назовут клеветой утверждение, что в случае войны их партия автоматически перейдет на сторону буржуазии. Однако, именно последний период на некоторых примерах показал нам, что руководящие круги социал-демократии имеют вполне определенное мнение по этому вопросу. Уже сейчас, еще до того, как война началась, они организационно готовят военное сотрудничество с буржуазией и буквально проповедают повторение 1914 года.

Защита отечества Пуанкаре

В прессе уже много писали о *законе по реформе французской армии*, который был внесен в парламент *Полем Бонкуром*, членом парламентской фракции социалистической партии Франции. Этот закон означает полнейшее приспособление армии к требованиям современной войны. Кроме организационной реорганизации армии, которая должна обеспечить быструю мобилизацию армии и ее большую политическую устойчивость, этот закон предвидит ряд особых мероприятий: мобилизацию всего населения без различия возраста и пола, милитаризацию профсоюзов, запрещение забастовок и т. п.

За этот закон в первом его чтении *голосовали все социалистические депутаты*. Когда, однако, в рабочих массах недовольство стало чересчур большим, ЦК соц. партии решил внести свое собственное контр-предложение. 26 июня состоялся пленум национального совета социалистической партии Франции. На этом заседании выяснилось, что весь ЦК был единодушен в том, что исходным пунктом всех проектов, включая и новый контр-проект Реноделя, является: отечество должно быть приведено в состояние наилучшей обороноспособности. В обоснование своего контр-предложения Ренодель прямо заявил, что предложения Бонкура по его мнению недостаточно гарантируют оборону отечества.

«Левые» при этом ни в чем не отличаются от правых. Жиромский, их вождь, следующим образом изложил свою принципиальную точку зрения по этому вопросу:

«Нашей формулой является социалистическое действие, продолженное в обеспеченной обороне страны».

То, что придаточное предложение дано лишь ради формы и не представляет собою ничего действительного, показывает дальнейшая формулировка Жиромского:

Ренодель пожимает громкое одобрение, заявляя:

«Нужно считать за честь для нашей партии, что она выработала закон по защите отечества, тогда как

демагоги (подразумеваются коммунисты — А. К.) пытаются отвлечь солдат от их естественного военного долга».

Разве этим недостаточно ясно сказано все?

Смысл всех этих слов становится для нас совершенно ясным, если мы вспомним о том, что год тому назад при посещении Варшавы *Поль Бонкур* заявил в речи к польским солдатам: «*Вы стоите здесь на страже, как защитники цивилизации против азиатского варварства*».

Разве не слышен уже их призыв: «все на защиту нашего отечества, на защиту цивилизации от большевизма!»

И разве не явится сейчас новый Дейтш, который с известным правом заявит: «Эта позиция не противоречит их программе (марсельской?)».

Завтрашнее предательство

Позицию французских социалистов можно несомненно считать *типичной* для практического отношения секций II Интернационала к вопросам войны в «повседневной политике» своих стран. Одним из важнейших документов для этой оценки практической политики секций II Интернационала в военном вопросе можно считать уж неоднократно цитированную нами *брошюру Дейтша*, приобретающую особое значение потому, что ее автор принадлежит к признаннейшим «практикам» II Интернационала. Он является военным специалистом, организатором народной обороны Австрийской республики и австрийского республиканского «Шутцбунда» (союза обороны).

Что говорит этот специалист по интересующим нас вопросам?

Мы должны сознаться, что совершили в начале статьи «подлог»: мы привели одну цитату Дейтша лишь частично. Сейчас мы хотим исправить эту ошибку и преподнести читателю эту цитату целиком.

«Социал-демократия в каждой стране обязана всеми находящимися в ее распоряжении средствами противостоять националистическим и империалистическим войнам. И даже больше: она должна противодействовать военной травле в любой ее форме. *Однако, одного она не может и не должна совершить: она не может и не должна обезоружить своей собственной страны*»¹.

Теперь перед нами вся схема этой книги. Военная опасность признается:

«Таким образом, мир пока не может рассчитывать на мирные тенденции развития капитализма. Было бы громадной ошибкой со стороны организованного пролетариата, если бы он, ослепленный утопическими представлениями, хотел бы видеть вещи в ином свете, чем они в действительности. Лучшей политикой во все времена было прямо смотреть фактам в глаза. Для рабочих партий эта политика является единственно возможной».

Затем следуют несколько фраз об «обязанности всеми средствами противостоять войнам».

¹ Курсив наш — А. К.

Однако, все это лишь обман. Целью является пропаганда практической международной политики, политики военной *подготовки буржуазного государства*.

Такова основная мысль книги.

«После этих рассуждений рассмотрим наше отношение к армии; тогда будет ясно, что простое схематическое ее отрицание невозможно. *Социал-демократия должна предоставить государству, за которое она также ответственна, необходимое для его защиты оружие*».¹

И так как война наступит, так как государства будут к ней подготовлены, надо будет и в этом случае пойти с ними. Кто говорит А, должен сказать и Б:

«Опыт мировой войны показал, как тяжело для пролетарских партий в роковой час войны отказать собственной стране в поддержке... Если, однако, война все же возникает рабочие партии именно потому, что они стали значительными факторами власти в государстве, *еще с большим трудом, чем в момент начала мировой войны, сумеют ответить в своей стране жестоким «нет»*».¹

Разве можно быть еще циничнее? Можно ли еще более открыто и нагло предсказать новое предательство II Интернационала?

Нет, международные решения являются обманом. Как ни слабы они сами по себе, даже то небольшое, неопределенное, что они требуют, или, якобы, требуют, никогда не будет проведено на практике.

Как «хорошо» говорит Дейтш в другом месте своей книги:

«Войны являются историческим явлением. Мы надеемся, что наступит время, когда они больше не будут им, когда человечество освободится от этих ужаснейших своих уз. До тех пор, однако, пока это не так, социал-демократические партии не сумеют избежать того, чтобы принимать войны, как ужасное, однако, к сожалению, при известных обстоятельствах неизбежное несчастье...».

Мы видим их уже «приемлющими» войну против СССР!

Коммунисты, однако, обязаны перед лицом общественности разорвать эту паутину лжи и показать всем трудящимся, что рабочий класс имеет во всем мире только *одного* истинного друга и союзника СССР: Коммунистический Интернационал и его секции.

¹ Курсив наш — А. К.

И. ПЕТЕРМЕЙЕР

Славная традиция

(Комсомол в борьбе с империализмом и милитаризмом)

I. До империалистической войны

В то же самое время, когда делегаты социалистических партий всех стран съехались в августе 1907 года в Штутгарте и на этом конгрессе была установлена — хотя и без практических последствий — необходимость антимилитаристической тактики международной социал-демократии, параллельно со II Интернационалом заседал первый международный конгресс молодежи, который целиком проходил под знаком блестящего доклада Карла Либкнехта «о борьбе против милитаризма». Начав с детального освещения возрастающего международного милитаризма, Либкнехт объяснял представителям революционной пролетарской молодежи двойственную роль этой системы, которая должна была служить, с одной стороны, для борьбы «с внешним врагом», а с другой стороны — для поражения «противника в собственном лагере». Основываясь на неразрывной связи, существующей между милитаризмом и капитализмом, а также на том, что угроза войны коренится в самой сущности капитализма, Либкнехт доказывал необходимость вести пропаганду против этого злейшего врага рабочего класса и закончил свою речь такими словами: «Позаботимся о том, чтобы международное движение молодежи сыграло почетную роль в антимилитаристической борьбе».

Всеобщее воодушевление, с которым конгресс принял предложенную Либкнехтом резолюцию, ясно выражавшую историческую роль социалистической молодежи в деле революционной пропаганды и антимилитаристической борьбы, отразило в себе тот опыт и тот успех, которые революционные классовые организации международной рабочей молодежи могли за время своего существования накопить в борьбе против милитаризма и империализма. «Конференция подтверждает, — гласит важнейшая часть этой резолюции, — тезисы штуттартского международного конгресса о милитаризме и задания относительно антимилитаристической борьбы и организации молодежи. Конференция обращает особое внимание также на опасность милитаризма для внутренней классовой борьбы и вменяет в обязанность международному движению молодежи бороться с милитаризмом в смысле, указанном резолюцией того конгресса».

Выдающееся значение штуттартского конгресса для всего движения пролетарской молодежи заключалось не только в выработке единой программы действий, которая впоследствии была выполнена лишь частично, но сам факт успешного проведения первого международного конгресса молодежи способствовал созданию новых организаций, а также повышал у рабочей молодежи чувство международной солидарности. Состав членов созданного

на конгрессе международного бюро объединенных социалистических организаций, — куда входили левые, целиком посвятившие себя антимилитаристической борьбе, вожди, как Карл Либкнехт, Роланд Хольст и др., — гарантировал углубление политической борьбы рабочей молодежи и особенно расширение ее пропаганды против военной опасности. Конечно, не только германская социал-демократия, но и весь II Интернационал саботировал борьбу пролетарской молодежи против милитаризма; уже на дрезденском съезде германской социал-демократии в 1903 году была отклонена предложенная молодежью и обоснованная Либкнехтом резолюция, которая обязывала партию к систематической пропаганде социализма, главным образом, среди рабочей молодежи, призванной на военную службу. Несмотря на это, немецкие молодые социалисты энергично принялись за антимилитаристическую агитацию и пытались разоблачить широким массам молодого пролетариата сущность милитаризма, как позорного для всего человечества явления в жизни классового государства. Практические результаты этого движения все же не были выдающимися, особенно после того, как оно лишилось руководства в лице Карла Либкнехта, который вскоре после штуттгартского конгресса был арестован за свою книгу «Милитаризм и антимилитаризм» и брошен в тюрьму на полтора года. Тем большим успехом могли похвалиться другие европейские союзы социалистической молодежи. Итальянская, бельгийская и скандинавская рабочая молодежь до империалистической войны стояла во главе антимилитаристического движения. Агитация против войны велась в этих странах посредством собраний, демонстраций, брошюр и летучек, с целью показать правящим классам, что рекруты-рабочие проникнуты классовым самосознанием и что для них не существует высшего завета, чем международная солидарность пролетариата. Социалистические организации молодежи держали постоянную связь со своими приверженцами. Они создали особый фонд и из него выдавали членам организации, призванным в армию, небольшие, но регулярные еженедельные субсидии. Контакт с центрами организации осуществлялся через активных членов ее, которые постоянно находились в казармах, и, по требованию, могли всегда быстро получить еще агитаторов и литературу.

Деятельность Бюро Социалистического Интернационала Молодежи после штуттгартского конгресса и до начала войны не была настолько активной, чтобы воодушевить отдельные секции. В 1910 году в Копенгагене состоялась еще одна международная конференция, которая, однако, имела гораздо меньшее значение, чем штуттгартская. Только в 1912 г. на международном конгрессе социалистов в Базеле, где в порядке дня стоял также вопрос «Интернационал молодежи и война», представители молодежи возобновили антимилитаристическую резолюцию, принятую в свое время на штуттгартском съезде, и французская делегация заявила, что «французская организация молодежи с восторгом примкнула к решению французской социалистической партии начать всеобщую забастовку в случае объявления войны».

II. Во время войны

Чудовищное предательство «международной освободительницы народов» — социал-демократии, которая поставила в начале войны интересы своих национальных буржуазных классов выше

классовых интересов мирового пролетариата и променяла политику борьбы с буржуазией на политику гражданского мира, конечно, не могло не оказать влияния на позицию социалистических организаций молодежи. В самых сильных секциях Социалистического Интернационала Молодежи началась страстная внутренняя борьба, которая почти всюду привела к расколу, при чем подавляющему большинству рабочей молодежи, зараженной всеобщим военным психозом, противостояли лишь небольшие группы истинных пролетариев, которые с образцовой энергией объединились для борьбы против войны. В Германии революционная молодежь сгруппировалась вокруг своего испытанного вождя, Карла Либкнехта, и в 1915 г. был напечатан первый номер «Интернационала Молодежи», целиком посвященный антимилитаристической революционной борьбе молодежи против войны, и конспиративно распространен вместе с листовками и изданиями международных революционных групп. В дальнейшем процессе войны революционное возбуждение все больше и больше охватывало всю рабочую молодежь. Тысячи молодых социалистов были посажены в тюрьмы или отосланы на фронт за распространение «Интернационала Молодежи» и др. антимилитаристической литературы. Либкнехт, передовой боец пролетарского юношеского движения, был арестован и приговорен к 4½ годам каторги за организацию знаменитой берлинской противовойенной демонстрации 1 мая 1916 года, в которой участвовало огромное количество молодых рабочих. Однако, ни бесчисленные аресты, ни дикие репрессии не смогли остановить антимилитаристической пропаганды революционной социалистической молодежи.

Невозможно перечислить сотни противовойенных демонстраций, организованных революционной социалистической молодежью. В знак протеста против осуждения Либкнехта ей удалось, например, устроить однодневную забастовку на заводах, в которой в Берлине приняло участие 55.000 рабочих, а в Брауншвейге 3.000. Особенно активное участие принимала молодежь в забастовочном движении, проводимом союзом «Спартак» на предприятиях военной промышленности, и с неменьшим рвением работала по разложению воинских частей, находящихся уже на фронте. Большой поддержкой этой пропаганде послужила разразившаяся революция в России.

Однако, итальянский союз социалистической молодежи по своему революционному энтузиазму, с которым он проводил антимилитаристическую работу, несомненно занял первое место среди всех организаций молодежи других стран. Когда настала опасность, что Италия тоже вступит в войну, исполком социалистической молодежи Италии обратился к молодым товарищам со следующим воззванием: «... Соберитесь все вокруг красного знамени для того, чтобы довести до конца великую борьбу, которая освободит человечество от проклятия войны и от ярости милитаризма...» И когда Италия действительно присоединилась к войне, молодежь принимала видное участие в антимилитаристической пропаганде, которая уже весной 1916 года вылилась в огромные манифестации против войны во многих городах Северной и Средней Италии. В большой революционной манифестации 1 мая 1916 года в Милане социалистическая молодежь также играла руководящую роль.

Французский союз в своем большинстве следовал за предельской военной политикой социалистической партии и лишь не-

большая, численно совершенно незначительная группа, продолжала борьбу против милитаризма и войны. Только к концу войны оппозиция социалистической молодежи приобрела влияние и, при поддержке сильного синдикалистского юношеского движения, повела антимилитаристическую пропаганду среди молодых пролетариев в тылу и на фронте. Сильное впечатление произвело восстание одной из воинских дивизий летом 1917 года и ее поход на Париж.

В остальных секциях Социалистического Интернационала Молодежи, особенно в нейтральных странах, юношеские организации не оставляли энергичной антимилитаристической работы. В циммервальдских постановлениях уже сказался ее результат, и лозунг международной солидарности рабочего класса приобрел популярность и за пределами их поля деятельности. За последние годы войны социалистические организации проделали огромную работу, которая послужила опорой всему пролетариату в его революционной борьбе против войны и мирового империализма.

Международное Бюро Социалистического Интернационала Молодежи оказывало отдельным секциям ценную помощь в их борьбе против войны. Уже в 1915 году ему удалось созвать в Берне (Швейцария) международную конференцию молодежи, которая, несмотря на отсутствие представителей германского и французского союзов, приобрела гораздо большее значение, чем штуттгартская. Вся работа Международного Бюро молодежи в военные годы протекала под знаком борьбы против войны. Оно собирало на борьбу все революционные силы молодежи и организовывало проведение принятого Бернской конференцией постановления созывать ежегодно международный съезд молодежи, как боевой съезд против империалистической войны.

Каждый год во время войны, а также в бурные годы революции, в первое воскресенье сентября революционная молодежь собиралась, чего бы это ей ни стоило, на демонстрации против империалистической войны.

III. Ленин и антимилитаристическая работа молодежи

Необходимость и значение антимилитаристической борьбы революционной рабочей молодежи еще задолго до империалистической войны выдвигались В. И. Лениным, и эта борьба определялась им, как центральная задача молодежи при сборе всех сил пролетариата. Героическую борьбу против войны, которую вели на материке революционные группы меньшинства социалистических союзов молодежи в годы империалистической войны, он очень высоко ценил, хотя в то же время резко критиковал неясность в этой работе у революционных юношеских организаций. Он обличал выдвинутый скандинавскими союзами молодежи, как лучшее средство предотвращения будущих войн, лозунг «разоружения капиталистических государств» и указывал этим молодым социалистам, что они не понимают, «что сущность заключается не в том, чтобы предотвратить начало войны, но в том, чтобы использовать вызванный войной кризис для свержения буржуазии», и что надо «не войну превратить в мир, а капитализм в социализм». «Выбросить оружие в мусорную яму, — писал Ленин, — пролетариат сможет лишь после того, когда он разоружит буржуазию в мировом масштабе, но не раньше». Применение военной забастовки, т. е. ответ забастовкой и восстанием пролетариата на всякое об-

явление войны. Ленин также признавал только условно: «Пролетариат, конечно, может для достижения социальной революции придерживаться метода военных забастовок, поскольку он считает это уместным и целесообразным, но принципиально и неуклонно связывать себя этим «тактическим рецептом» не в интересах рабочего класса».

Так Ленин положил конец дискуссии о тактике антимилитаристической борьбы и о проблеме всеобщего разоружения, которая велась в Социалистическом Интернационале Молодежи во время и после войны, и классически сформулировал отношение коммунистов к войне и к вопросу вооружения. И успешная борьба, которую в первые годы русской революции вела революционная рабочая молодежь в союзе с классово-сознательным пролетариатом всего мира против интервенции капиталистических держав для подавления первого революционного рабоче-крестьянского государства, доказала, что учение Ленина и большевизма о работе в армии и о борьбе с империалистической войной пошло на благодарную почву.

Но только основание Коммунистического Интернационала Молодежи и организация международной революционной пролетарской молодежи в сильные коммунистические союзы создали предпосылки к тому, чтобы влить антимилитаристическую агитацию и пропаганду в общую линию массовой работы по борьбе против империализма.

IV. Оккупация Рура и война в Марокко

Вооруженное вторжение французского империализма в лежащую на западной границе Германии промышленную Рурскую область, как карательная мера за саботаж Версальского «мирного» договора, продиктованного Германией после окончания империалистической войны, снова загло в широких слоях германского населения националистический энтузиазм и выдвинуло возможность новой военной пертурбации на первый план политических событий. Авангард германской пролетарской молодежи стоял перед двойной задачей: с одной стороны, разоблачить создаваемое буржуазией увлечение войной, и с другой стороны—активно вступить в борьбу с французским империализмом. Образцовая антимилитаристическая деятельность, которую германский комсомол развивал во французских оккупационных войсках и, несмотря на невероятные потери, проводил целый год, заслуживает особого внимания. Среди французских солдат были распространены сотни тысяч антимилитаристических листовок, брошюр, газет и рукописных воззваний, призывавших их к братанью с пролетариатом Рура. Французские военные суды свирепствовали над юными носителями антимилитаристической пропаганды и несколько сот комсомольцев было приговорено к долголетним принудительным работам. Однако, частая смена оккупационных войск, нередкие мятежи целых частей и немалочисленные случаи убийства французских офицеров своими же солдатами свидетельствовали о блестящей агитационной работе пролетарской молодежи. В оккупированных крупных промышленных городах комсомол организовал ряд антимилитаристических демонстраций, добрая половина которых состояла из молодых французских солдат. И чем дольше затягивалась оккупация, тем интенсивнее становилась агитация немецких и французских молодых товарищей и тем чаще оккупационная

армия проявляла сочувствие к немецкому революционному пролетариату, который тогда готовился к решительному бою с национальной буржуазией (в октябре 1923 г.). Это чувство пролетарской солидарности революционных солдатских ячеек, возрастающих по своим силам и влиянию, выразилось также в передаче комсомольцам оружия и прочих боевых припасов, предоставленных французскими солдатами немецким рабочим.

Еще одну славную страницу в историю КИМ'а и его борьбы против империализма и войны вписала французская пролетарская молодежь в 1925—26 г. во время марокканской войны. Война в Марокко была актом подавления колоний французским империализмом, с одной стороны, и национально-освободительной войной риффов — с другой. Задача французской рабочей молодежи заключалась не только в поддержке борьбы риффов за свою независимость, но в то же время и в мобилизации молодых рабочих и крестьян, солдат и матросов против колониальных грабейж Франции, капиталистической системы вообще и в популяризации ленинской точки зрения на борьбу с войной. Эта работа революционного авангарда французской пролетарской молодежи затруднялась кроме всего еще позицией французских социалистов и социалистической молодежи, чьи вожди объявили наступление французского империализма на Марокко оборонительной войной и на этом основании снова голосовали за военные кредиты.

В связи с организованным компартией рабоче-крестьянским конгрессом по борьбе против войны в Марокко, комсомол взял на себя инициативу создать особую конференцию молодежи, на которой были выработаны требования солдат и матросов, связанные с борьбой против войны; в общем состоялось 7 конференций такого же рода, на которых собиралось свыше 100 делегатов. В эту широкую антимилитаристическую кампанию комсомол включил и агитацию среди новобранцев, которым была разослана антимилитаристическая газета «Рекрут», вместе с призывом принять участие в конгрессе новобранцев, подготовляемом КИМ'ом. Платформой этого конгресса являлась борьба против империалистической войны и за немедленный мир путем братанья солдат и рабочих. Во все части страны комсомол разослал своих пропагандистов, проникавших даже в буржуазные союзы новобранцев. В течение всей кампании было организовано от 35 до 90 антимилитаристических конгрессов новобранцев и был основан 21 революционный союз новобранцев с несколькими тысячами членов. Братанье солдат с пролетарской молодежью особенно способствовали организуемые комсомолом по случаю отправки молодых солдат на фронт «проводы» на благоприятных и в деревнях.

Под влиянием такой интенсивной агитации, поведение солдатских и матросских масс естественно должно было происходить ускоренным темпом; многие полки, как, например, 159-й, отказывались отправляться на фронт. Особенно многочисленны были случаи выстулений и братанья во флоте (Мета, Курбэ, Бретань, Минуз и т. д.). Буржуазия пыталась самыми суровыми мерами помешать проникновению коммунистических идей во французскую армию; число вынесенных французскими военными судами приговоров солдат и матросов на смерть или долгое тюремное заключение за дезертирство, подстрекательство к мятежу и за пропаганду против милитаризма и империализма, судя по имеющимся пока материалам, достигло за время марокканской войны многих сотен.

V. Империалистическая интервенция в Китае

Вскоре после окончания войны в Марокко, английский комсомол также получил возможность практического применения коммунистической пораженческой тактики. Уже во время всеобщей стачки и забастовки горняков революционная английская молодежь получила первый опыт и результат в антимилитаристической пропаганде. Непрерывной агитацией в казармах и систематической работой по разложению войск, классово-сознательная молодежь Англии сумела завоевать симпатии огромной части солдат и матросов, что послужило причиной того, что орган «Твердоблох» забил тревогу: «Революционная пропаганда в армии и во флоте за последнее время начинает принимать угрожающие размеры. В арсеналах, портах и казармах массами распространяются листовки и воззвания, призывающие войска к отказу от повиновения»...

С наступлением 1927 года весь механизм английского капитализма лихорадочно заработал, чтобы искусственно внушить массам мелкой буржуазии и пролетариата новый военный психоз.

На эту систематическую подготовку и провокации войны комсомол ответил открытием широкой кампании, посвященной Китаю. Антимилитаристический аппарат молодежи быстро развился; когда правительство объявило о формировании «боевых сил по обороне Шанхая» и собрало в короткое время 15.000 матросов и солдат в Лондоне и в южных портовых городах для отправки, тогда авангард английского пролетариата понял всю серьезность положения. Комсомол отпечатал в срочном порядке листовки и плакаты и послал своих лучших работников в портовые города для руководства выступлениями, чтобы воспрепятствовать военным отправкам и побудить английских солдат и матросов брататься с восставшими китайцами.

Одно из самых выдающихся воззваний английского комсомола под заголовком: «Ни одного человека и ни одной винтовки против китайской революции» заслуживает того, чтобы привести здесь хотя бы выдержки из него: «Английское правительство, — говорилось в нем, — решило повести войну против Китая. Войска, военные суда и танки посылаются из Англии. Тысячи матросов грузятся в Портсмуте для Китая. Несколько полков стоят в Лондоне наготове. Рассказни болдуиновского правительства — только ложь и обман... Мы призываем особенно молодых рабочих, которые должны отдать свою жизнь за прибыли торговцев, протестовать против войны».

Война с Китаем ведет к войне с Советской Россией. Коммунистическая молодежь призывает членов гильдий и рабочую молодежь к совместному выступлению против угрожающей военной опасности. Сломите саботаж предателей-вождей рабочей партии, которые с Болдуином образуют единый фронт против Китая...

Требуйте прекращения войны с китайской революцией, которая лишь хочет выгнать английских высасывателей прибыли и эксплуататоров денег. Вспомните о 1914 году...».

Как и следовало ожидать, ЦК гильдий, так же как и рабочей молодежи, отклонил предложение единого фронта в борьбе против империалистической интервенции в Китае. Тем яростнее кинулся союз в борьбу. В течение нескольких дней, когда правительство в Соутгэмптоне и в лондонских альбертовских доках мобилизовало и погрузило на суда несколько полков, комсомольцы-агита-

торы, вооруженные всеми мыслимыми средствами агитации, работали среди рабочих, солдат и матросов. Листовки или раздавались солдатам непосредственно, при чем многие брали по несколько штук, чтобы передать и своим товарищам, или же распространялись через портовых рабочих, и многие беспартийные грузчики добровольно брались передавать солдатам по многу экземпляров.

Солдаты и матросы принимали участие в многочисленных противовоенных собраниях, созываемых союзом под открытым небом. Много молодых товарищей были пойманы полицией и в кровь избиты при попытках сделать антимилитаристические надписи мелом на бортах судов, но их энергия и энтузиазм не уменьшались. Индивидуальная обработка и организация импровизированных демонстраций были главными средствами их агитационной работы. В Лондоне, в одном из сильнейших центров антимилитаристической работы, комсомолу удалось в течение 48 часов мобилизовать весь состав своих членов, снабдить их агитационным материалом и лозунгами и послать в доки. Солдаты обычно сочувственно принимали молодых агитаторов, портовые рабочие к ним целиком присоединялись. Если дело не дошло до прямого стачечного выступления, то это нужно приписать краткому периоду агитации и, главным образом, саботажу и противодействию официальных профсоюзных организаций.

VI. „Руки прочь от СССР“

С дальнейшим развитием революционных событий в Китае международный империализм удвоил бешеную травлю Советской России, поднятую в конце прошлого года английским правительством, в виду целого ряда агрессивных выступлений, провоцирующих войну. Инсценированное «твердокаменными» консерваторами нападение на Советское посольство в Пекине и бандитское вторжение в Лондонское полпредство, с наибольшей ясностью доказывают намерение английского империализма добиться политической изоляции первой рабоче-крестьянской республики и создать предпосылку для крестового похода на страну пролетарской диктатуры. Провокационная нота, посланная английскими властями Советской России, рассеивает последнее сомнение в грозящей опасности войны. В ответ на этот вызов КИМ постановил провести от 10 до 18 марта международную неделю борьбы рабочей молодежи против военной опасности и против подготовки империалистической войны с СССР. Успех этой антимилитаристической кампании в капиталистических странах Европы и Америки доказывает влияние и боееспособность коммунистических союзов молодежи, которые в течение этой недели сумели мобилизовать для борьбы против английского империализма не только свои собственные силы, но и силы сочувствующей им массы рабочей молодежи. Особенно блестяще протекала кампания в Англии, Франции и в Германии. Организованные английским комсомолом во время забастовки горнорабочих комитеты «Руки прочь от Китая» стали источником широкой антиимпериалистической кампании и работали в контакте с созданными самой рабочей молодежью комитетами по поддержке и защите русской революции. Многочисленные собрания в Лондоне и, в особенности, митинги горняков в северных промышленных центрах проходили под лозунгами «За укрепление связи всех братских союзов и трудящейся

молодежи всего мира с русским комсомолом», «Долой интервенцию», «Братанье солдат интервенционной армии с борцами за свободу». Было создано 15 новых комитетов, при чем, после разрыва дипломатических сношений между Англией и СССР, число это увеличилось до 30. Комсомольская печать выпускала специальные издания, посвященные, главным образом, успехам китайской революции и почти десятилетнему существованию Советской России. В воззваниях английской молодежи говорилось о том, что ее активная поддержка Советской России поведет к укреплению советского положения и ослаблению мирового империализма. В течение международной антиимпериалистической недели и последующих месяцев особое внимание было уделено Красной армии и ее исторической роли в защите достижений русской Октябрьской революции, в отражении захватных стремлений империалистических держав и в обороне всего международного пролетариата. На севере Англии было созвано 15 митингов и распространено 10 тысяч ленточек, обращенных главным образом к молодежи и призывавших ее к образованию единого фронта против консервативного правительства в знак протеста против его провокационной позиции по отношению к СССР и требовавших отозвания войск из Китая. Особенно активное участие в кампании приняли члены делегации молодых рабочих, посетившей в прошлом году Советскую Россию; на Шеффилдской конференции рабочей молодежи, где принимали участие 150 делегатов, председатель делегации докладывал о положении в Китае и об опасности империалистической войны против СССР. Молодежь Шеффилда присоединилась к призыву образовать единый фронт против империализма и организовала комитет защиты китайской революции и СССР.

Углубляя свою антимилитаристическую работу, английский комсомол добавил еще лозунг «пролетарского пораженчества», выставив ряд революционных королей, как «Поражение английского империализма в Китае — победа рабочих в Англии» и «Помогите Китаю и СССР победить Болдуина».

Не менее отрядных результатов достиг комсомол Франции и Германии в проводимой ими мобилизации широких масс рабочей молодежи на защиту Советского Союза. В демонстрации революционных профсоюзов в Париже, организованной под лозунгом «Единый фронт против империалистической войны», участвовало более 100.000 рабочих, при чем молодежь, шедшая в первых рядах демонстрантов, отличалась особенной активностью. Тираж антимилитаристической газеты «Казарма» увеличился до 20.000 экземпляров.

Состоявшийся в Берлине на Троицу парад «Красных фронтовиков», где выступило свыше 500.000 истинных классовых борцов, среди которых выделялась пролетарская молодежь, представлял собой импозантную по своей мощи манифестацию международного протеста против угрозы империалистической войны и проходил целиком под знаком первой республики трудящихся.

Антимилитаристическая борьба в Германии была направлена также против фашистских организаций, являющихся рассадником милитаризации пролетарской молодежи и скрытыми вооруженными силами. В своей пропаганде комсомол разоблачал деятельность этих организаций, готовящих на случай войны удар в спину рабочего класса и деклассирующих лучшие его элементы — пролетарскую молодежь.

Углубление антимилитаристической пропаганды отдельных секций КИМ'а и их борьба против империализма перешли в настоящее сражение с буржуазным пацифизмом и «ультра-левой» позицией реформистов и социалистических организаций молодежи с их лозунгом, объявленным еще с 1914 года — «В случае войны — всеобщая забастовка», за которым скрывается лишь их бездействие в борьбе против подготовки войны.

Уже не говоря о том, что всеобщая забастовка при объявлении войны будет саботироваться прежде всего самими же социал-демократическими вождями, всеобщая забастовка невозможна уже постольку, поскольку милитаризму удастся держать под своим влиянием и использовать для войны значительные массы населения. Этим меньшевистским фразам комсомол противопоставляет ясную ленинскую позицию и доказывает рабочей молодежи необходимость ослабить важнейшее оружие власти империализма — буржуазную армию, вовлекая солдатские массы в политическую борьбу пролетариата, укрепляя связь с отдельными воинскими частями и поддерживая существующие антимилитаристические ячейки.

Особенно успешна была борьба целого ряда важнейших секций КИМ'а против колониальной политики своей национальной буржуазии, ставшая серьезной поддержкой национально-освободительной борьбы угнетенных — прежде всего английским империализмом — народов. После Брюссельского конгресса колониальных народов, за которым последовало основание «Лиги борьбы против империализма и за национальную независимость», которая уже организовала свои отделения в главнейших центрах антиимпериалистического движения (Китай, Египет, Южная Африка и др.), английский и французский комсомол расширили свою деятельность и на поддержку этой лиги, в исполнительном комитете которой революционное влияние представителей международной пролетарской молодежи проявляется все больше и больше.

Богатый опыт английской, французской и германской пролетарской молодежи в борьбе против военной опасности и грабительского империализма должен стать общим достоянием всей рабочей молодежи. Без антимилитаристической работы в войсках, требующей несомненно огромной самоотверженности, без создания революционных ячеек в них и дезорганизации капиталистических армий не может быть борьбы против империалистической войны. И эта борьба против опасности империалистической войны не только в настоящий момент, но в ближайшие месяцы и, быть может даже годы, является нашей задачей, стоящей перед коммунистическим движением молодежи и перед всей международной пролетарской молодежью.

Выполнение этой задачи, в чисто ленинском смысле, по борьбе против военной опасности и милитаризма концентрирует все революционные силы на борьбе с английским империализмом, являющимся самым серьезным врагом не только Советской России, но и всего мирового пролетариата.

Рабочая молодежь это усваивает все больше и больше. Доказательством тому служит ряд примеров, имевших место за последнее время, в том числе и недавний случай, когда английская военная эскадра посетила Норвегию и молодые рабочие устроили антимилитаристическую демонстрацию в том же порту, связавшись с матросами английских судов. Адмирал, ведший эскадру, объявил награду в 50 фунтов стерлингов за выдачу английских матросов,

участвовавших в этой работе, но они, конечно, ему не были выданы.

Особенно знаменательно еще сообщение английской прессы о том, что над английскими оккупационными военными судами, стоящими в Шанхае, комсоставом учрежден чрезвычайный тайный контроль для того, чтобы «воспрепятствовать попыткам левых элементов установить связь с революционными организациями и группами шанхайцев».

Последние успехи антимилицаристической работы служат новым доказательством правильности и целесообразности методов, применяемых Коммунистическим Интернационалом Молодежи. Усиление и углубление активной пропаганды международной революционной пролетарской молодежи является одним из самых действительных средств для отражения капиталистического наступления и направленных против Советской России интернациональных планов мирового империализма.

Банки в Советском Союзе

«...Две ошибки погубили плоды блестящей победы (речь идет о Парижской Коммуне — Я. Р.). Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей: *такие, например, учреждения, как банк, не были взяты...*» (курсив мой — Я. Р.; Ленин. «Уроки Коммуны». Собр. соч. т. XI, ч. II, стр. 510).

Вот, какое огромное значение Ленин придавал тому факту, что парижские коммунары не захватили банков. Ленин прямо говорит, что это явилось одной из главнейших причин поражения Коммуны. Действительно, парижские пролетарии, захватившие город в свои руки, фактически оставили в руках своих злейших классовых врагов огромные денежные средства, находившиеся в кассах банков. Кроме того, в руках буржуазии сохранился самый банковский аппарат, прекрасный инструмент для совершения далеко не только чисто банковских операций. При помощи банковского аппарата французские буржуа, оставшиеся в Париже, могли сносятся с версальцами, могли давать различные указания, направленные против Коммуны. В то же время Коммуна себя лишила средств, в которых сама нуждалась, и передала эти средства своим будущим палачам.

Октябрьская революция учла уроки прошлого. Сила банков за время от Парижской Коммуны до Октябрьской революции значительно выросла. Роль банка, как одного из наиболее надежных оплотов капитализма, к этому времени определилась уже с совершенно достаточной ясностью. И в начале революции т. Ленин дает еще более яркую и определенную постановку вопроса о том, как пролетариат, захвативший власть, должен использовать аппарат банка. В брошюре «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин пишет: «Капитализм создал *аппараты* учета, в роде банков, синдикатов, потребительных обществ, союзов служащих. *Без крупных банков социализм был бы неосуществим.*»

Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который, нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь *отсечь то, что капиталистически* уродует этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единий крупнейший из крупнейших Государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике, — это уже девять десятых *социалистического аппарата*. Это общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это,

	На 1 окт. 1923 г.	На 1 окт. 1926 г.
1. Госбанк	837 млн. р.	3692 млн. р.
2. 6 общесоюзных банков	151 „ „	1399 „ „
3. Республик. и обл. банки	872 „ „	884 „ „
4. Коммун. банки	11 „ „	204 „ „
5. О-ва с.-х. кредита	5 „ „	284 „ „
6. О-ва взаимн. кредита	7 „ „	93 „ „
7. Городские ломбарды	1 „ „	12 „ „

в процессе перераспределения свободных капиталов, собирая главным образом индивидуальные сбережения и накопления.

Советские сберегательные кассы выросли в своем количестве с 304 на 1 октября 1923 года до 14.740 на 1 октября 1926 года, а их вклады соответственно увеличивались с 17,7 млн. р. до 114,6 млн. р. К 1 апреля 1927 года они достигали уже почти 140 млн. р. Несомненно, перед сберкассами еще очень многое впереди. Достаточно сказать, что сумма вкладов сберкасс за один только 1925/26 год выросла более, чем втрое. Вклады сберкасс должны будут играть роль огромного денежного резервуара, который займет видное место в деле питания всего народного хозяйства кредитными.

Возвращаясь к нашей таблице, можно прежде всего отметить, что кредитные учреждения, принадлежащие государству и им руководимые, занимают почти все 100% в кредитной системе Союза.

Далее, вся кредитная система обнаруживает признаки огромного роста, соответствующего общему темпу развития народного хозяйства. Роль Государственного банка, как видим, является ведущей, его баланс значительно превышает сумму балансов остальных видов кредитных учреждений.

Необходимо заметить, что все построение кредитной системы СССР приспособлено к производственным нуждам государства и каждая из частей этой системы тяготеет к определенному ведомству. Так, Госбанк и сберкассы находятся в ведении Наркомфина; Промбанк и Электробанк тесно связаны с ВСНХ; Внешторгбанк—с Наркомторгом; Всекобанк—с Центросоюзом; Центр. с.-х. банк—с Наркомземом; Цекомбанк—с Наркомфином и Наркомвнуделом. Такое построение сети обеспечивает центральным ведомством большую возможность регулирования своих отраслей хозяйства, а банкам позволяет находиться в тесной связи с регулирующими органами и быстро воспринимать и претворять в действие те или иные директивы. Организационное построение советской кредитной системы делает банки прекрасным проводником нашей экономической политики.

Для того, чтобы уяснить себе характер развития наших важнейших банков, приведем основные показатели их операций. Мы здесь укажем лишь, как росли текущие счета и учетно-судные операции банков, а также, какие отрасли хозяйства занимают основное место в деятельности банков (в млн. руб.):

Наименование банков	Текущие счета		Учетно-ссудные операции	
	На 1/X—24 г.	На 1/X—26 г.	На 1/X—24 г.	На 1/X—26 г.
1. Госбанк	202	381	542	1580
2. Промбанк	106	184	167	327
3. Внешторгбанк	19	31	39	97
4. Всесоббанк	25	56	49	99
5. Мосгорбанк	44	85	67	187
6. Электробанк	—	16	—	40
ВСЕГО	396	753	864	2330

Как показывает таблица, и по этим двум основным статьям баланса банков первое место принадлежит Госбанку, занимающему 50% остатков (на 1/X—26 г.) как по текущим счетам, так и по учетно-ссудным операциям. Все банки обнаруживают признаки значительного развития, обусловливаемого начальным периодом организации банков, когда рост всегда протекает в больших размерах, а также быстрым темпом восстановления и развития соответствующих отраслей народного хозяйства. Уже в 1925/26 г. темп развития банков был совершенно другой. Так, за этот год учетно-ссудные операции выросли с 1.875 млн. руб. до 2.330 млн. руб., а вклады даже несколько снизились, в связи с напряженным финансовым положением, которое испытывала страна в середине того года. Между тем, за 1924/25 г. вклады выросли с 396 млн. руб. до 787 млн. руб., а учетно-ссудные операции с 862 млн. руб. до 1.875 млн. руб. Теперь развитие банков принимает более сложный характер, что соответствует общим внутривладельческим процессам развития.

Участие важнейших отраслей хозяйства в строении текущих счетов и учетно-ссудных операций этой группы банков видно из приводимой таблицы (в млн. руб.):

Наименование отраслей народного хозяйства	Текущие счета в 6 банках		Задолженность по учетно-ссудным операциям в 6 банках	
	На 1/X—24 г.	На 1/X—26 г.	На 1/X—24 г.	На 1/X—26 г.
1. Промышлен.	120	246	464	1235
2. Транспорт	14	27	27	161
3. Госторговля	29	37	67	177
4. Кооперация	17	48	190	358
5. Частн. лица	14	28	17	29
6. Кредитн. учрежден.	37	56	74	257
7. Прочие	165	311	23	113
ВСЕГО	396	753	862	2330

Как показывают данные, приведенные в таблице, задолженность промышленности занимает более 50% задолженности всего

народного хозяйства. В то же время текущие счета промышленности (на 1/X—26 г.) едва составляют одну треть общего итога. *Промышленность в результате перераспределения свободных капиталов через банки получает огромные средства для своего развития.* В значительных размерах кредитуется также, как мы видим, кооперация, задолженность которой банкам на 1/X—26 г. составляет 358 млн. руб., а участие во вкладной операции всего лишь 48 млн. руб. Кооперация в финансовом отношении еще далеко не окрепла, она крайне бедна оборотными капиталами, чем и объясняется высокий уровень ее банковской задолженности. Невысока, относительно, задолженность транспорта, который значительную часть потребных средств получает по бюджету. Задолженность кредитных учреждений является отражением кредитов, предоставляемых Госбанком специальным банкам. Задолженность частных лиц, как видим, ничтожна и она полностью компенсируется текущими счетами этой группы. Задолженность «прочих» содержит в себе кредиты различных советских и хозяйственных учреждений, не подходящих ни под одну из вышеперечисленных групп; сюда относятся исполкомы, профессиональные организации, общественные учреждения и проч. Эта группа больше банкам дает, чем берет; ее текущие счета равны 311 млн. руб., а задолженность 113 млн. руб. Здесь явно выступает роль банков, как аппаратов по перераспределению средств: 311 млн. руб. они собрали в разных учреждениях, которым дали только 113 млн. руб., а 198 млн. руб. были распределены среди других отраслей народного хозяйства, где средств не хватало.

Возникает, однако, вопрос: если текущие счета в банках составляют (1/X—25 г.) всего 753 млн. руб., а банки распределили 2.330 млн. руб., то откуда же были взяты средства? Ответ на этот вопрос заключается в том, что, во-первых, собственные капиталы этих банков составляют около 600 млн. руб. и, во-вторых, эмиссия червонцев дает Госбанку около 800 млн. руб.; кроме того, у банков имеется прибыль, составляющая по этой группе банков за год более 50 млн. руб. Если все эти данные сложить, то получим, что банки располагают средствами, как раз в пределах задолженности им народного хозяйства.

Мы видели как велика доля кредитов промышленности в общих размерах банковских кредитов. Такое соотношение размеров кредитования вполне соответствует политической линии, проводимой государством и направленной ко всемерному развитию промышленности. Но, если рассмотреть движение задолженности внутри самой промышленности, то видно, что постепенно и весьма заметно *растет удельный вес задолженности тяжелой индустрии.* А это говорит, что банки усвоили и проводят не только директиву об оказании максимальной поддержки промышленности, но и о всемерном содействии индустриализации страны, ибо ее базисом (индустриализации) является, как раз, развитие тяжелой индустрии, развитие отраслей промышленности, вырабатывающих орудия производства, добывающих руду, топливо.

Если взять другую важнейшую политическую и экономическую задачу — задачу снижения цен, то и здесь банки оказываются на высоте положения. Они, во-первых, сами удешевили стоимость кредита, что уже само по себе должно отразиться на себестоимости производства промышленности. Во-вторых, банки при предоставлении кредитов наблюдают за тем, как их клиенты проводят директиву о снижении цен, воздействуя на тех из них,

которые недостаточно энергично эту директиву проводят в жизнь. В-третьих, банки не допускают залеживания товаров, в которых на рынке ощущается недостаток. Как видим, банк в руках Советского государства является полезным орудием также и в разрешении проблемы цен.

Банковская система СССР, построенная по принципу концентрации вокруг крупнейшего и единого эмиссионного банка группы специальных банков, является наиболее приспособленной к тем задачам, которые перед нею стоят. Если группа 7—9 банков охватывает главным образом наиболее крупные и средние слои хозяйства, то система коммунальных банков, сельскохозяйственного кредита, обществ взаимного кредита и, в известном смысле, сберегательных касс протекает в гущу народно-хозяйственной жизни, соединяя организованную часть нашего хозяйства с неорганизованным, распыленным, многомиллионным крестьянским хозяйством.

Денежная эмиссия играет, естественно, чрезвычайно важную роль в кредитно-денежном обращении страны и является одной из важнейших функций наших банков. В СССР, как и во многих других странах, первенствующее место в денежной эмиссии принадлежит банкнотам Государственного банка. Так на 1/VII—27 г. из общего количества обращающихся в стране денег на сумму 1.475 млн. руб. на долю червонцев приходилось 879 млн. руб., а на долю казначейских денег 596 млн. руб. Если учесть, что через наши банки народное хозяйство пользуется кредитом в размерах, достигающих 2,5 миллиардов рублей, то огромное значение банкнотной эмиссии в образовании ресурсов кредитной системы СССР станет очевидным.

Денежная эмиссия является одним из важнейших элементов всей хозяйственной структуры государства. Ее размеры, ее качество, т. е. степень стабильности и покупательной способности эмитируемых банкнот (червонцев), прямо зависят от внутри-хозяйственных процессов. Малейшие колебания в конъюнктуре сейчас же находят свое отражение в состоянии денежного обращения; хозяйственный подъем вызывает потребность в расширении размеров эмиссии, наоборот, пониженная конъюнктура ведет к необходимости сжимать размеры эмиссии. В этих условиях, банки, практически осуществляющие эмиссионные возможности страны, выполняют важнейшую экономическую функцию.

На основании закона 11 октября 1922 г. Государственному банку было предоставлено право выпуска банковых билетов в золотой валюте, выраженных в червонных единицах. Билеты выпускаются купюрами в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 100 червонцев, при чем червонец приравнен по стоимости к 10 золотым рублям. Размеры эмиссионного права ограничиваются следующим образом: количество выпущенных червонцев должно быть обеспечено на 25% драгоценными металлами и твердоценной инвальной (золото, платина, доллары, фунты стерлингов) и на остальные 75%—траттами в иностранной валюте, долговыми обязательствами и первоклассными векселями, выданными солидными хозяйственными организациями на короткие сроки, чем обеспечивается высокая ликвидность обеспечения (скорое и своевременное погашение долга по учтенным векселям). Действительно, Государственному банку должна быть обеспечена возможность величайшей маневренной свободы; в случае каких-либо осложнений на денежном рынке, когда возникает не-

обходимость в уменьшении количества денег, находящихся в обращении, Госбанк тем быстрее может эту меру осуществить, чем короче сроки векселей, находящихся у него в обеспечении; поскольку в обеспечении находятся краткосрочные векселя, представляется возможным в течение нескольких дней или недель значительно уменьшить количество обращающихся на рынке банкнот. Краткосрочными векселями в наших условиях разумеются векселя, выданные на сроки до 3—4 месяцев. И если портфель векселей, служащих обеспечением эмиссии, составляет, скажем, 600 млн. руб., то к Госбанку ежемесячно должно поступать платежей по ним 150—200 млн. руб., а ежедневно 5—6 млн. руб.

Эмиссионная операция целиком сосредоточена в специальном отделе Госбанка — эмиссионном. В пределах того обеспечения, каким этот отдел располагает, он передает червонцы в кассу правления Государственного банка. Обычно, эмиссионный отдел не использует полностью своего права выпуска банкнот, оставляя за собою некоторый остаток права неиспользованным, так называемый свободный остаток эмиссионного права.

Эмиссионный отдел обязан публиковать в печати раз в две недели свои балансы, из которых можно усмотреть, насколько правильно он использует свои эмиссионные права. Высокое качество обеспечительного материала, с нарицательной стоимости которого (исключая твердоценное обеспечение), при всем том производится известная скидка, и жесткое ограничение эмиссионного права Госбанка служит важной гарантией сохранения стабильности червонца, в чем наше хозяйство, является в наибольшей степени заинтересованным.

Основные отличия советского банка от капиталистического

Все банки в СССР являются государственными, исключая группу так называемых обществ взаимного кредита, играющих совершенно незначительную роль в общей системе кредита. К тому же эти общества находятся в полнейшей зависимости от наших банков.

Все наши банки делятся на два типа: один Государственный банк является чисто государственным учреждением, так сказать, де-юре и де-факто; остальные банки построены по принципу акционерных обществ. Так, Торгово-Промышленный банк СССР (Промбанк) является акционерным коммерческим банком, владеть акциями коего может каждый гражданин. И, действительно, некоторая часть акций Промбанка находится в руках частных лиц. По уставу этого банка до 49% общего количества акций может быть продано в частные (русские и иностранные) руки. Однако, всего акционерный капитал Промбанка составляет в настоящее время около 100 млн. руб., из каковой суммы 98 млн. руб. принадлежит государственным учреждениям и предприятиям и кооперации, а всего лишь около 1,5 млн. руб. — частным лицам.

Такая же картина наблюдается и в других банках. Подавляющая часть всех акций принадлежит трестам, синдикатам, кооперации, Госбанку, ВСНХ, НКПС и т. д. Иными словами, банки принадлежат государству и основные линии их поведения направляются соответствующими госорганами.

В том обстоятельстве, что все наши банки являются фактически государственными, а в капиталистических странах все банки,

за крайне редким исключением, принадлежат одному или группе частных лиц-капиталистов, — заключается первое и крайне важное различие между советским и капиталистическим банком.

Движущей силой всякого капиталистического предприятия является стремление к извлечению прибыли, растущей прибыли. Без прибыли ни одно капиталистическое предприятие не может существовать (сколько-нибудь продолжительное время). Прибыль, нажива—это единственный стимул к организации и развитию хозяйственных учреждений в условиях капитализма. Все это в равной же мере относится и банкам, которые являются такими же коммерческими предприятиями, как и все остальные.

Иную картину наблюдаем в СССР. Одно из главных отличий советского государства от капиталистического заключается в том, что в советском государстве основным методом хозяйствования является *план*. Деятельность банков, являющихся составной частью советского хозяйства, также протекает под непосредственным и единым плановым руководством соответствующих органов государства. Банки получают общие директивы на определенный период времени (год, квартал), получают так же и частные указания о необходимости выполнения тех или иных важных, непредвиденных планом, задач. Направление деятельности банков определяется *кредитным планом*. Кредитный план не самоцель. Он является частью обще-хозяйственного плана. Кредитный план строится в соответствии с общими линиями генерального хозяйственного плана. В силу этой причины перераспределение капиталов у нас происходит *не по линии* помещения средств в наиболее *доходные* места, а по линии *наибольшей хозяйственной целесообразности*. Эта плановость кредитования народного хозяйства значительно уменьшает опасность возникновения в СССР экономических кризисов, являющихся результатом анархичности капиталистической системы производства и обмена, и, в частности, отсутствия в деятельности капиталистических банков других руководящих принципов, кроме принципа *коммерческой* целесообразности. Поэтому у нас является возможным направлять средства банков в тяжелую индустрию, на электрификацию, на восстановление и развитие разных предприятий, находящихся в тяжелом положении, но важных с точки зрения обще-хозяйственных интересов страны. Банкам было бы выгоднее эти средства направить в текстильную промышленность, торговлю, на кредитование частных лиц, здесь было бы больше уверенности в своевременности возвращения осуд и размер прибыли был бы значительно выше. И, будь у нас банки не государственные, а частные, они бы так и поступали. Не могло бы быть и речи об осуществлении наших планов индустриализации страны. Частные банки предпочли бы кредитовать более выгодные по срокам и размерам прибыли предприятия.

Цена денег или, как принято обычно говорить, учетный процент, определяется, как и цена всякого другого товара, соотношением спроса и предложения денег. В наших условиях применение такого принципа для определения учетного процента привело бы к значительному его повышению против того размера, который в настоящее время принят нашими банками. Мы крайне бедны капиталами. Развитие производительных сил страны предъявляет непрерывный спрос на новые капиталы, который полностью пока удовлетворить мы не можем. Раз спрос на капитал велик, а предложение не может полностью этот спрос удовлетворить, то учетный

процент должен расти до тех пор, пока его размер станет неприемлемым для части потребителей капитала и спрос войдет в соответствие с предложением, цена такого «соответствия» была бы очень дорогой, так как целые группы промпредприятий оказались бы вынужденными либо работать без кредита и, значит, уменьшать размеры своего производства, либо, пользуясь кредитом, повышать цену своей продукции.

Мы знаем, действительно, что еще не так давно (года 3—4 тому назад) вольный рыночный учетный процент достигал 100% годовых, тогда как советские банки предоставляли кредит, исходя из 15—17% годовых. В настоящее время этот процент еще ниже и колеблется в пределах от 8 до 11 проц. годовых.

Размер учетного процента в СССР устанавливается Наркомфином при участии банков. При установлении размеров учетного процента исходит из себестоимости денег самим банкам. Здесь приходится принимать во внимание, во-первых, проценты, уплачиваемые банками по вкладам, во-вторых, стоимость содержания аппарата, в-третьих, налоги, уплачиваемые банками государству, в-четвертых, страхование рисков, которые могут привести к убыткам в случае неоплаты клиентом ссуды. Наиболее трудным является вопрос об установлении процента по вкладам, ибо все остальные расходы поддаются довольно точному подсчету. Но в этом вопросе руководствуются тем соображением, что чем ниже будет процентная ставка по вкладной операции, тем дешевле будет стоимость кредита. В то же время эта ставка должна представлять интерес и для вкладчиков. Сообразно с этими обстоятельствами принимается определенная ставка по вкладной операции, которая является, понятно, более низкой, чем ставка по ссудным операциям, так как в противном случае банки не только не имели бы прибыли от своих операций, но терпели бы убытки.

Размер учетного процента, следовательно, устанавливается в советских условиях, исходя из расчетов обще-хозяйственной целесообразности, в каком-то обстоятельстве заключается одно из важнейших отличий советского банка от капиталистического.

Для капиталистического банка извлечение прибыли есть *цель* его существования; для советского банка получение прибыли является лишь *средством* к его усилению, с *целью* расширения оказываемой им финансовой помощи делу социалистического строительства.

Далее, в условиях наступающих в капиталистических странах кризисов банки не в состоянии оказать помощь лихорадящему промышленному капиталу. Последний в период кризиса испытывает еще большую, чем обычно, потребность в новых кредитах. Между тем, банки не только не могут увеличивать в это время размеры кредита, но, наоборот, вынуждены сокращать задолженность своей клиентуры и увеличивать у себя наличные запасы денежного капитала, ибо в период кризиса происходит усиленный отлив вкладов из банков. Кроме того, капиталистический банк не желает излишне рисковать и предпочитает возможно скорее вернуть часть размещенных капиталов в свои кассы. Такая политика банка способна, разумеется, только усугубить тяжесть положения промышленности.

Мы также пережили в СССР своеобразный кризис осенью 1923 г. В то время уровень цен на промтовары был непомерно высок, а цены на сельскохозяйственные продукты—низки. То было

время наибольшего раствора знаменитых «ножниц». Резкое расхождение цен на изделия промышленности и сельского хозяйства породило кризис, крестьяне перестали покупать изделия нашей промышленности. Однако, советские банки не только не сжали учетно-ссудные операции, но даже расширили их, стремясь оказать максимальную помощь народному хозяйству, не пред'являя дезорганизующих требований своей клиентуре, а всемерно, совместно с нею, направляя свою работу на ликвидацию возникшего кризиса. Вскоре, действительно, кризис был изжит.

Дореволюционные банки, пользуясь недостатком товаров, на этом спекулировали. Советские банки в этом отношении являются прекрасным проводником обще-экономической политики. Когда на рынке не хватает товаров, то банки не скупают их и не держат на своих складах, а заставляют клиентов даже те товары, которые ранее имелись у банка (залог от ссуд под товары), бросать на рынок, уменьшая этим остроту товарного голода. Банки внимательно следят за тем, чтобы их клиенты, пользуясь товарным голодом, не повышали цен. Ясно, что капиталистический банк действовал бы по-другому и не упускал бы столь легкой возможности значительно увеличить размеры своих барышей.

Как показывает изложенное, банки сыграли огромную роль в жизни нашей страны. Явившись в первые месяцы Октябрьской революции очагами саботажа и организованной борьбы против Советской власти, банки, будучи национализированными, стали служить интересам рабоче-крестьянского государства. В годы хозяйственного восстановления и подъема банки играют полезнейшую роль и являются важнейшими орудиями проведения экономической политики государства. Банки практически осуществляют нашу денежную реформу, блюдут интересы денежного обращения и содействуют укреплению и повышению покупательной силы червонца. Банки дают возможность значительно ускорить процессы хозяйственного развития. Через банки экономическим путем можно в известной мере использовать кулацкую копейку в интересах маломощных хозяйств, в интересах развития всего сельского хозяйства и промышленности. И в других направлениях экономической жизни советскими банками была развита энергичная деятельность, позволяющая и здесь констатировать ее успешные результаты. Это относится к капитальному строительству, к электрификации, к развитию окраинных областей и республик.

Банки, это превосходное достижение капиталистической культуры, были в начале революции захвачены и подавлены, а затем поставлены на служение делу социалистического строительства, в первом рабоче-крестьянском государстве. Банки с этой, казалось бы совершенно неподходящей для них задачей, хорошо справляются, ибо от них «отсечено» было революцией все то, что их «капиталистически уродовало».

На примере советских банков можно лишний раз убедиться в блестящем политическом и экономическом анализе Ленина. Он трезво учел опыт Парижской Коммуны, и поэтому были проведены захват и национализация банков. Но тогда же Ленин предвидел и указал ту огромную положительную роль, которую уже *советские* банки сыгают в строительстве социализма.

Первые шаги и уроки

(Рационализация и рабочая молодежь на Урале)

Разрешение ряда крупнейших вопросов, поставленных ходом рационализации, составит целый период в работе нашего Союза.

В одних районах, где промышленность на более высоком уровне техники, где темп рационализации, быстрее, эти вопросы острее выдвигаются жизнью.

В других местах, как например, на Урале, при невысоком уровне техники, при медленном темпе рационализации — значимость этих вопросов будет расти вместе с темпом рационализации.

Уральская промышленность является старейшей в СССР, и сейчас на Урале встречаются заводы, существование которых исчисляется сотнями лет.

Стратегически выгодное положение, богатые залежи руд, лесные массивы, благодаря которым Урал имеет возможность производить высоко-сортный чугун, все это способствовало быстрому развитию уральской промышленности.

В период рационализации уральская промышленность вступила с значительным износом оборудования ряда заводов, так как по величине износа основного капитала Урал находится в наихудшем положении по сравнению с другими промышленными районами. Это не может не отразиться на темпе рационализации уральской промышленности. Типичным для некоторых старых уральских заводов с допотопным оборудованием, доживающих последние дни, является такое описание «механизации» одного завода (Алапаевского металлургического): «Старушка домна держится на подпорках. К горну по старинным аркам идет подвездной путь и прямо лошадьми на тачках подвозится руда. Попытка механизировать засыпку была — сделан небольшой кран, подающий уголь к горну. Но и эта «механизация» то и дело портится. Для того, чтобы во-время остановить кран, рабочий вытаскивает конец размочаленной палки между шестерен и «механизация» останавливается».

Рационализация уральской промышленности сопровождается большими трудностями.

Пока эта рационализация не приводила к коренному переустройству отдельных заводов. Мероприятия по рационализации заключались в экономии расходов на топливо, переконструировании отдельных станков в сторону устранения в них промежуточных переходов, разделении сложных операций на ряд мелких и простых, ввоз новых усовершенствованных станков и машин из-за границы.

Но соответствующая перестройка уральских заводов в смысле близости к сырью, законченности цикла на каждом заводе, переход плавки чугуна с древесно-угольного топлива на коксующий уголь, строительство крупнейших заводов по металлу и закрытие ряда старых заводов с допотопным оборудованием, организа-

ция газового хозяйства — все эти перспективы развития уральской промышленности целиком изменят ее лицо.

Все эти мероприятия, в соединении с богатейшими природными условиями, поставят Урал в первом ряду союзной промышленности.

Еще слишком немного проделано в деле рационализации на Урале, да и проведенные мероприятия являются порой кустарными, разрозненными между собой, но и это немного уже вполне отчетливо и в упор выдвигает перед Союзом, и в частности перед уральской комсомольской организацией, следующие вопросы:

1. Приспособление системы воспроизводства квалифицированной рабочей силы к рационализирующейся промышленности.

2. Борьба с отрицательными консервативными настроениями среди отдельной группы рабочих и рабочей молодежи. Воспитание масс рабочей молодежи на преодолении цеховых настроений, на подчинении своих личных интересов интересам рабочего класса.

3. Массовое участие рабочей молодежи в рационализации производства. Нахождение новых форм и новых путей этого участия.

Таковы коренные вопросы, определяющие содержание работы каждой промышленной организации союза в условиях рационализирующейся промышленности.

Каких рабочих потребует рационализирующаяся промышленность

Вопрос о людях, призванных работать в рационализирующемся производстве—это уж не такой маленький, ничемный вопрос, как представляют себе некоторые хозяйственники, заявляющие:

«Школа ФЗУ нам не нужна, так как в связи с рационализацией производства нам нужны неграмотные рабочие» (заявление директора одного из заводов). Такая точка зрения ничего общего с линией партии в вопросах рационализации не имеет и должна быть решительно осуждена.

Уже сейчас можно определить общие принципы рационализации уральской промышленности, являющейся на 70% металлургической:

1. Вытеснение ручного труда у домен и мартенов, замена труда катаделей и засыпщиков механизированной засыпкой. Такое мероприятие было проведено на Надеждинском заводе, где 40—50-тонные печи перешли с ручной посадки шихты на механическую. Это вызвало с одной стороны освобождение рабочих, работающих засыпщиками в мартеновском цехе, с другой — потребность в рабочих на подъемные краны.

2. Разделение сложных операций на ряд мелких и простых. На Каслинском чугуно-литейном заводе провели разделение труда формовщика. Раньше формовщик выполнял семь функций: формовка (основная), заливка, выбивка, подпалка, очистка, подготовка песку, сдача литья; на его основную работу, формовку, уходило только 47,6% времени, а остальное на подсобную.

Сейчас все эти подсобные работы у формовщиков отняты и переданы другим, мало квалифицированным рабочим. Созданы специальные кадры чистильщиков, выбивальщиков и заливальщиков, которые выполняют эту подсобную работу.

Это разделение труда создало почву для механизации отдельных процессов производства, и в настоящее время для этой цели на завод привезены германские станки. Механизация формовки, потребовав приспособления рабочих к работе на станках, все же приводит к некоторой декартификации рабочей силы. На примере Каслинского завода можно уловить принципы рационализации и ее влияние на рабочую силу: от рабочего ремесленной квалификации к рабочему на расчлененных операциях, от рабочего расчлененной операции к рабочему машинного производства. На Лыженском механическом заводе в штамповальном и ведренном цехах, в связи с разделением операций, введением в производственные процессы большего количества станков, ощущается потребность в кадрах квалифицированных рабочих — *установщиков*. Характерный пример представляет собою Златоустовский механический завод, где часть привезенных станков не может найти своего применения из-за отсутствия рабочих, приспособленных к этим станкам.

3. Изменение способов производства чугуна — в перспективе замена древесно-угольного топлива коксующим углем. Организация газового хозяйства (тоже в перспективе). Какое влияние на рабочую силу могут оказать эти принципы рационализации?

Во-первых — частичная декартификация рабочей силы, которая главным образом будет происходить на заводах легкой индустрии, осуществляющей массовое производство.

Во-вторых — потребность в кадрах высококвалифицированных рабочих, управляющих механизмами (установщики, мотористы).

В-третьих — потребность в рабочих новых квалификаций, приспособленных к рационализированному производству (газовщики, машинисты и их помощники к двигателям внутреннего сгорания и т. д.).

Все это требует соответствующего приспособления системы подготовки квалифицированной рабочей силы. И, конечно, не о коренной ломке всей нынешней системы может идти речь, а о тех дополнениях, которые нужно обязательно внести в нашу систему воспроизводства квалифицированной рабочей силы, дабы она целиком отвечала нуждам рационализирующейся промышленности. Рабочие, призванные осуществлять рационализацию производства, должны сочетать в себе обладание необходимой квалификацией с знанием основных принципов новейшей техники, с умением бороться за эту технику. И кто, как не школы ФЗУ, в первую очередь, могут дать таких людей для промышленности. Вот почему не о сокращении школ ФЗУ может идти речь, а о признании ФЗУ основной, не только по смыслу, но и по количеству охвата подростков, формой подготовки квалифицированной рабочей силы. А пока что школы ФЗУ на Урале объединяют только 32% всей брони подростков. Выдвигаемое предложение о реорганизации школ ФЗУ (создание двух ступеней в школах) целиком и полностью может быть приспособлено и для Урала; именно сейчас, когда рационализирующееся производство потребует, с одной стороны, массовую квалифицированную рабочую силу, приспособленную к несложным процессам производства, а с другой — кадры высококвалифицированных рабочих, как-то: установщиков, мотористов и т. д., нужна такая реорганизация школы ФЗУ, которая обеспечила бы производству подготовку такой рабочей силы. Конечно, в условиях Урала в течение ближайших лет полностью ликвидировать другие

формы обучения, например, бригадное ученичество, вряд ли удастся, но уже сейчас нужен решительный курс на сужение индивидуального ученичества, которое себя не оправдывает, на расширение школ ФЗУ не только за счет вновь принимаемых, но и за счет подростков, находящихся в броне, не охваченных никакими формами ученичества (а таких на Урале 25% всей брони подростков, работающих на черновых работах). В условиях Урала нужно уже сейчас выдвинуть задачу сосредоточения всей подготовки квалифицированной рабочей силы в горячие цеха через школы ФЗУ. В отношении приспособления школ ФЗУ к горячим цехам Урал двинулся далеко вперед и может служить несомненно примером для ряда других металлургических районов. Уже проведен опыт реорганизации некоторых школ ФЗУ в школы, готовящие исключительно в горячие цехи, и опыт удавшийся. Но мало наметить, кого готовить через ФЗУ, нужно обязательно поставить вопрос о том, как готовить.

Школы ФЗУ имеют уйму недостатков, эти недостатки вечно стары и вечно новы. Тяжелым грузом они давят на школу. В самом деле, разве можно готовить новых рабочих, борцов за технику, если оборудование школ ФЗУ на несколько лет отстает от завода, если инструктора школ далеко не соответствуют еще предъявляемым к ним сейчас требованиям, если сами инструктора подчас консервативно настроены ко всякого рода нововведениям. В Каслинской школе ФЗУ был такой факт. Когда на заводе проводился ряд мероприятий (разделение формовки, коллективная подготовка песку и т. д.), инструктора школы ФЗУ были решительно настроены против этих новшеств и всячески восстанавливали против них учеников. Могут ли такие инструктора готовить рабочих для рационализирующегося производства?

Вот почему определять сейчас тип ФЗУ нужно, но вместе с тем нужно коренное переоборудование школ ФЗУ, нужен такой подбор инструкторов, который обеспечит бы подготовку новых людей в производство, ибо без этого новый тип школы ФЗУ будет красивым румяным яблоком с подточенной сердцевинкой.

Как встречают рационализацию производства рабочие и рабочая молодежь

Настроение рабочих по отношению к рационализации в первую очередь определяется их составом, а состав рабочих Урала чрезвычайно характерен. Помимо группы коренных рабочих, связанных с заводом, единственным источником существования которых является работа на заводе, здесь значительное место в составе рабочих занимают кадры рабочих-сезонников, переезжающих с завода на завод, и группы полурбочих-полукрестьян, связанных со своим хозяйством, но отличающихся от сезонников тем, что они живут у завода. Эти-то группы рабочих, работа которых на заводе составляет добавочный источник существования, и являются источником то подчас равнодушного отношения к рационализации — «рационализируйте, только меня не троньте», а то и прямо консервативного — «раньше работали, так и хорошо было, зачем новшества выдумывать».

Группа рабочих полукустарей ведерного цеха Лысьвенского завода так отзывалась о рационализации: «нашу квалификацию сейчас не ценят — мы являемся действительно квалифицирован-

ными рабочими, потому что все сами делаем, а получаем меньше тех, кто у машины сидит и сам ничего не делает, — рационализация нас скоро с метлами на улицу выгонит». Вот это настроение чрезвычайно характерно для рабочего полукустаря, издавна выдающего в машине своего личного врага.

Вот, например, результаты разделения труда формовщика на Каслинском заводе таковы:

выработка литья увеличилась на 50%,
 снизилась себестоимость от 20 до 30%,
 повысилась зарплата от 1 р. 61 к. на одного рабочего в день (в среднем) до 1 р. 88 к.

И если в начале разделения среди рабочих были большие недовольства, то сейчас, когда результаты стали ощутительны, рабочие завода в массе своей заинтересованы в новых способах организации работы и только незначительная часть рабочих продолжает заявлять, что все-таки раньше работать лучше было.

Рабочие Надеждинского завода по поводу введенной электросварки отзывались так:

«Мы смотрели раньше на электросварку как на своего конкурента, думали—работы не будет, оказалось—электросварка прибыль заводу приносит и у нас работы хватает».

Рационализация производства — значит умная, расчетливая организация производства, но еще далеко не всегда и не везде она проводится умно и расчетливо.

ЦК партии в своих решениях определил пути и методы рационализации производства, однако на отдельных заводах можно уже сейчас встретить ряд извращений линии партии в вопросах рационализации.

Мало сказать об этих извращениях, с ними нужна решительная борьба.

Рассказывали такой случай: в механическом цехе Каслинского завода большая норма по обработке углов, да и работа тяжелая. Один ученик, выпускник ФЗУ, придумал проект облегчения этой работы, заявляет об этом зав. цехом в присутствии группы рабочих. Зав. цехом отвечает так: «это хорошо, — можно будет нормы поднять, расценки снизить». Такой ответ ошеломляет рабочих. После этого рабочие грозят изобретателю: «попробуй только, придумай — не поздоровится».

В Златоустовском заводе в кузнечном цеху рабочий приходит к мастеру требовать валенки (по колдоговору полагается). Мастер заявляет: «какие тебе валенки — ведь у нас сейчас рационализация». Очень плохое представление о сущности нашей рационализации дает такой грубый ответ мастера, ответ прямо противоречащий принципам нашей социалистической рационализации.

Можно встретить не мало фактов, когда планы рационализации на заводах находятся под большими секретами, когда мероприятия по рационализации предварительно широко не разъясняются рабочим. Не потому ли на собрании рабочей молодежи газоэлектрического цеха Надеждинского завода по докладу о рационализации рабочая молодежь так заявляла: «рационализация у нас кабинетная — все, что проводится, идет по приказу из кабинета, а рабочие ничего об этом не знают». То же самое говорила молодежь и на других заводах: «у нас как делается? сначала проведут какое-

нибудь мероприятие и выжидают, если рабочие молчат, ну и ладно, а как забузили, давай раз'яснять».

Такие факты требуют пристального к себе внимания, ибо они отпугивают рабочих и рабочую молодежь от рационализации, ибо они затушевывают действительную сущность нашей рационализации производства. И если со стороны некоторых отсталых групп рабочих Урала недовольство рационализацией вызывается, с одной стороны, известными консервативными и «дедовскими» традициями, с другой, чувством конкуренции с машиной, которая делает излишними ремесленные навыки, то в то же время коренные кадры рабочих за рационализацию, понимают ее смысл и необходимость. Но когда на отдельных заводах рационализация производства проводится «по приказу» без предварительного обсуждения с рабочими, такая «рационализация» вызывает недоверие и со стороны этих рабочих.

Но это не консерватизм, а законное стремление самих рабочих принимать активнейшее участие в рационализации.

Что основное характеризует настроение рабочей молодежи по отношению к рационализации?

Основные кадры рабочей молодежи с большим вниманием относятся ко всяким новшествам на производстве и представляют нередко опору в борьбе за рационализацию.

В этом отношении характерным показателем является заявление группы рабочей молодежи машиностроительного цеха Надеждинского завода:

«На хозрасчет перейти нужно. Может быть, на первое время и трудно будет, но зато потом цеха окрепнут и положение рабочих укрепит. А если выбирать, то нужно выбирать то, что выгодно для всего завода».

Однако в периоды столкновения личных, групповых интересов с интересами всего рабочего класса отрицательные настроения среди отдельных групп раб. молодежи всегда резко выявляются.

Рационализация производства наталкивается порой на настроение цеховщины, преобладание личных интересов над общественными, среди отсталых групп молодежи.

Группа рабочей молодежи штамповального цеха Лысьвенского завода в беседе заявила: «положение рабочих все ухудшается. Раньше режим экономии на шее рабочего, а сейчас рационализация. Вот повысьте нам расценки, тогда будем принимать участие в рационализации, — лучше повысьте зарплату рабочим, чем строить новые заводы».

Надо понять, что куда труднее осмысливать рабочей молодежи значение и необходимость отдельных жертв в настоящую пору, чем во времена гражданской войны. Там это было проще и яснее.

Конечно, наша заводская обстановка воспитывает молодежь в духе коллективизма, в духе подчинения своих личных интересов интересам рабочего класса, но ведь на заводах, тем паче на уральских, есть группы новой молодежи, приезжающей из деревень. Много личного, индивидуалистического заложено в ее помыслах и побуждениях. Эти группы молодежи в моменты столкновения своих личных интересов с интересами всего рабочего класса проявляют колебание, а иногда и прямо становятся на сторону своих личных интересов.

Надо прямо сказать — эту молодежь мы в очень слабой степени подготовили к правильному, осмысленному восприятию отдельных неизбежных жертв в период рационализации.

Рабочая молодежь в строительстве промышленности

Опыт последнего года работы союза включает в себя ряд форм вовлечения рабочей молодежи в производственную жизнь — конкурсы на лучших производственников, организованная борьба с прогулами через показательные суды, смотры в газетах и т. д.

Встает вопрос: достаточны ли эти формы в настоящее время, могут ли они в полной мере способствовать массовому вовлечению рабочей молодежи в рационализацию? Достаточно убедительно говорят об этом факты — низовые ячейки и рабочая молодежь на заводах начинают нащупывать новые формы, обеспечивающие повседневное участие молодежи в производстве и в его рационализации. Пример: *ударные бригады* в производстве. Такие бригады создаются в цехах из лучших молодых производственников, большей частью там, где требуется выявление максимальной нормы выработки, причин брака, где требуется доказать рабочим целесообразность того или иного рационализаторского мероприятия.

На Лысьвенском заводе в эмалировочном цехе на обжиге посуды созданы три ударных бригады из молодежи. Им поручено:

- 1) выявить максимальную производительность печи;
- 2) выяснить качество обжига;
- 3) дать лучшую норму выработки и проверить правильность существующей нормы.

На Каслинском заводе введены новые, так называемые рязанские, опоки — рабочие возражают против их введения, не хотят работать на них, и рабочая молодежь поднимает вопрос о том, чтобы создать ударную бригаду на рязанских опоках. Цель этой бригады — практикой своей работы доказать рабочим целесообразность новых опок.

Именно сейчас, когда целый ряд новшеств вызывает у отдельных рабочих и у отдельных групп рабочих недоверие, а порой и противодействие, нужно найти такие формы, которые обеспечивали бы безболезненный переход на эти новшества.

Ударные бригады являются почетным преемником прошлых субботников, являются действенной формой участия рабочих и рабочей молодежи в рационализации производства.

Есть и другие формы этого участия.

Инициативные группы вокруг производственных совещаний

В центрально-инструментальном цехе Златоустовского завода собрание рабочей молодежи по докладу зав. цехом вместо принятия общей резолюции (как у нас нередко водится) выделило группу ребят, которой поручило всестороннее ознакомление с производством цеха. Эти ребята в течение трех недель своей работы сумели выявить целый ряд конкретных вопросов, требующих своего окончательного решения на производственно-техническом совещании. Можно быть уверенным в том, что большинство этих предложений будет принято производственно-техническим совещанием, потому что они явились результатом серьезной проработки всех недостатков цеха. Не менее важным и интересным опытом

нужно считать создание в клубах, в красных уголках производственных уголков, уголков по рационализации.

В них собираются образцы продукции завода, соответствующая техническая литература, проводятся занятия технических кружков. Не останавливаясь здесь подробно на других формах участия в производственной жизни, безусловно оправдавших себя (совещания по квалификациям, конкурсы и соревнования и т. д.), хочется поставить такой вопрос: есть ли что-нибудь новое, отличное в нынешнем периоде участия производственной жизни от прошлого; в чем конкретно это новое воплощается? Некоторые активисты заявляют так: «Все кричат о рационализации. Да мы же все время это самое проводили, только не называли участием в рационализации». И это после того, как рабочая молодежь на заводах сейчас начинает выдвигать ряд новых форм своего участия в рационализации. *Борьба за каждое коллективное мероприятие по рационализации в каждом цехе, на каждом заводе* — это упор, это основное звено в нашей работе. Вот этого-то и не понимают или не хотят понять те, для которых рационализация ничего нового не представляет. А между тем, вопрос стоит так: сумеем ли мы лозунги рационализации внедрить в сознание каждого рабочего, сумеем ли мы организовать массы рабочей молодежи вокруг рационализации своего цеха, своего завода, подчинить этой задаче все другие отрасли комсомольской работы на заводе. Сумеем ли мы поставить так политическое воспитание молодежи, чтобы от осмысливания конкретных мероприятий по рационализации подымать уровень молодежи к пониманию сущности всей социалистической рационализации, к пониманию перспектив революции, ибо борьба за рационализацию есть борьба за нашу революцию (а как часто этого не понимают даже отдельные хозяйственники, составляющие в тиши своих кабинетов приказы о проведении тех или иных мероприятий и совершенно не считающие нужным своевременно информировать и обсуждать с рабочими сущность всех проводимых новшеств).

В свете общих задач, поставленных перед союзом ходом рационализации, следует остановиться на двух моментах, от которых многое зависит в деле массового вовлечения рабочей молодежи в рационализацию производства.

Первое — повышение технической грамотности рабочей молодежи, овладение производственной культурой.

Старому рабочему отсутствие технических знаний подчас компенсирует долголетняя производственная практика; у молодежи ни того ни другого нет. Этим и затруднено ее участие в жизни производства и в его улучшении. На Урале распространяется опыт создания профтехнических кружков (по изучению чертежей, по подсчету шестерен, по изучению двигателей внутреннего сгорания и т. д.). Качество этих кружков в их гибкости, в возможности быстрого приспособления к новым станкам и машинам. А изучение новых станков и машин способствует молодежи в продвижении на эти совершенствования. Наконец, техническая литература и технические плакаты должны стать узловыми пунктами повышения технической грамотности рабочей молодежи. А между тем, на Урале в то время, когда основная промышленность здесь металлургическая, совершенно отсутствует техническая литература для горячих цехов, а для того, чтобы быть хорошим мартенщиком, надо знать строение мартена, технологию металла и т. д. Один специалист—

главный инженер Тагильского завода — рассказывал: в Германии сейчас издаются сотнями тысяч производственно-технические плакаты по отдельным профессиям. А почему бы нам не поднять вопрос об издании серии плакатов по поднятию квалификации, которые в художественно-показательной форме показывали бы, как обращаться со станком, с инструментами, как культурно работать. Эти плакаты сослужили бы большую пользу для рабочей молодежи.

Второе — это взаимоотношения и совместная работа со специалистами и мастерами. Много писалось и говорилось о спедедских настроениях разных отсталых групп молодежи. Эти спедедские настроения в период рационализации превращаются в источник недоверия ко всякого рода мероприятиям, проводимым специалистами. Нельзя разбить спедедских настроений без того, чтобы не уяснить молодежи роль мастера и специалиста в производстве. Но в то же время нельзя разбить спедедские настроения и без того, чтобы добиться более чуткого, внимательного отношения к молодежи со стороны специалистов и мастеров. Молодой парень, придя на завод, первого, кого он видит над собой как представителя некоторого административного давления на него — это сменного мастера. И очень часто по этому сменному мастеру парень судит о порядках на заводе, о советской власти и многом другом. Ребята из машиностроительного и механического цеха Надеждинского завода заявляли так: «Вот есть у нас в механическом цехе заведующий — белый офицер, который рабочему, если тот к нему приходит, говорит: «раньше, чем со мной разговаривать, нужно научиться». Двух ребят после того, как они выступили на общем собрании цеха с критикой недостатков, сократили. И сейчас думаем так, чего говорить без толку, еще под сокращение попадешь, лучше помолчать или если говорить, то шепотком, так-то оно надежнее».

Вот к каким абсолютно неправильным выводам приводит грубое обращение мастера или зав. цехом.

Период рационализации производства потребует новых людей и в нашем активе — дисциплинированных, точных, аккуратных, не только умеющих делать доклады о социалистич. строительстве, но прекрасно знающих производственную программу цеха или завода, его рентабельность, перспективы развития, смысл проводимой рационализации — такие люди будут приспособлены к руководству рабочей молодежью. Воспитание такого актива — задача первостепенной важности, ибо это обеспечит союзу выполнение серьезнейших задач, поставленных рационализацией.

Вечно старый и вечно новый вопрос

О борьбе с бюрократизмом в стране пролетарской диктатуры неоднократно писалось на страницах нашей печати. И не мудрено!

Ибо это есть борьба против травоядной тупости, твердолобой консервативности, чиновничества, подхалимства и проч. «прекрасных» черт, которыми так щедро одарила «природа» буржуазного государства свой аппарат и элементам которого в советском аппарате объявлена жестокая война не на жизнь, а на смерть.

Наивный человек может задать такой вопрос: «Но ведь и буржуазная мораль проповедует борьбу с этими «прекрасными» чертами? В чем же разница?». Предвосхитим его и разберем этот вопрос.

В буржуазных государствах — бюрократизм — это система управления людьми, основанная на полном пренебрежении к нуждам и запросам всех масс трудящихся и на полном изолировании их от участия в работе государственного аппарата. Там бюрократизм воспитывает специальные кадры государственных чиновников, которые поставлены в привилегированные условия, помогающие буржуазии осуществлять свою диктатуру. Поэтому борьба с бюрократизмом и его преодоление, при господстве буржуазии, дело, обреченное с самого начала на полнейшую неудачу. Поэтому буржуазия прибегает ко всякой «морали», высказывает гуманность на словах, а на деле без бюрократической системы управления обойтись не может.

Иное дело у нас.

Октябрьская революция разбила старый бюрократический аппарат сверху донизу, создала нашему пролетариату и крестьянству необходимые условия для полного преодоления бюрократизма, но не уничтожила его окончательно.

Бюрократизм, как систему управления людьми, мы «угробили», но элементы его остались в нашем советском аппарате и сразу, как бы нам этого ни хотелось, они не могут быть уничтожены.

Почему? По той простой причине, что наше государство есть «государство рабочее, но с преобладающим населением крестьянства и бюрократическими извращениями», писал Ленин.

Потому, что бюрократизм в нашей стране имеет свои социально-экономические корни: «...раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность».¹

Мало того, наш аппарат еще в значительной мере обслуживается кадром старого чиновничества, который зачастую работает

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 206.

не только за нас, но и против нас. Этим и объясняется, что в нашем аппарате еще далеко не изжиты проявления бездушного отношения к трудящимся массам, чиновнического командования, нажима, бумажной волокиты, формализма и т. д.

Вот почему писал Ленин в принятой новой программе на VIII съезде партии: «...мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о «частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя»¹.

И вот почему у нас не только возможна, но и обязательна борьба с бюрократизмом.

В чем заключается сущность ленинского плана борьбы с бюрократизмом? Обобщенно его можно так представить: не ломать аппарат пролетарской диктатуры, а улучшать и рационализировать его; бороться с бюрократизмом не с «наскоку», а выдержанно, упорно и систематически; не только «находить» бюрократизм, но и уметь его исправить.

Ясное дело, что осуществить этот план можно только при поддержке и участии широких трудящихся масс.

Комсомол, объединяющий передовую часть трудящейся молодежи, должен на этом важнейшем участке, быть на одном из первых мест. И за это довольно недвусмысленно высказалась V всесоюзная конференция, поставившая перед нашим союзом одним из центральных пунктов его работы—помощь партии в борьбе с бюрократизмом и в работе по улучшению госаппарата.

Конкретные задачи, стоящие перед союзом в связи с этой работой, не менее четко изложил ЦК комсомола в своем обращении ко всем организациям.

К этой работе комсомольская организация организовано подошла вплотную лишь недавно. И если теперь еще рано подытожить опыт работы советских ячеек в этой области, то осветить достижения и недостатки не только можно, но и должно.

Достаточно ли четко преломились директивы партии и союза и интенсивно ли развернулась работа в этой области в нашей комсомольской организации? Нужно сказать прямо, что нет!

И об этом, не скрывая, заявляют комитеты союза.

МК, на основании предварительной проверки выполнения своих директив в своей организации, делает такой вывод: «Отметить слабую проработку советскими ячейками директив партии и комсомола по режиму экономии, искоренению бюрократизма и улучшению госаппарата. Недостаточно активную борьбу всей массы комсомольцев с фактами кумовства, протекционизма, волокиты, чиновничества, невнимательного отношения к посетителям и бесхозяйственности в советских учреждениях».

В Туле произведенное обследование части советских ячеек показало, что «вопросу об участии в борьбе с бюрократизмом не уделялось должного внимания». В некоторых ячейках этот вопрос совершенно не прорабатывался, и на вопрос почему? получался такой ответ: ячейка ОМХ—«От райкома не было конкретных указаний на этот счет», яч. ЦРК—«Не разбирался по случаю перегруженности другой работой».

Сталинский окружком отмечает, что если в участии комсомольцев и молодежи в производственных совещаниях есть дости-

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 205.

жения, то работа по борьбе с бюрократизмом не только не начата, но достаточно еще и не прорабатывалась.

Еще хуже обстоит дело в окраинных организациях. Там «участия совячек в улучшении работы учреждений и борьбы с бюрократизмом абсолютно никакого не было», пишет Сыр-Дарьинский ГК.

Во что упирается слабое преломление директив и медленный темп разворачивания этой работы?

Во-первых, в недостаточном уяснении самими комитетами союза тех конкретных задач, которые стоят перед организациями в связи с работой по борьбе с бюрократизмом и улучшению госаппарата.

Примерно, в Пскове райкомы, получив циркуляр губкома, совершенно его не прорабатывали. Ограничились «добросовестной» перепечаткой, а по «рассеянности» оставили подписи губкома. Жаль, что не было губкомовской печати, наверное поставили бы!

Тулские райкомы считают, что достаточно разослать циркуляр по ячейкам, и дело в шляпе. Стоит ли еще проверять, учитывать опыты? И так обойдется.

Во-вторых, наш комсомольский актив слабо подкован и недостаточно усвоил конкретные пути этой работы.

Если бы провести опросное обследование нашего ячейкового актива, то среди многих получился бы такой «достойный» ответ: «С режимом экономии незнаком. Знаю, что есть постановление—читать некогда» (ячейка Жиркость, Москва).

А многие так рассуждают: «Социализм можно построить только на заводе, в учреждении за канцелярским столом ничего не сделаешь, только бумажки пишешь», «...В бумажном царстве социализма не построишь». И характерно то, что некоторые активисты, даже прорабатывавшие этот вопрос, не понимают, как можно конкретно повести эту работу. Заместитель секретаря яч. Центрсоюза (Москва) на вопрос инструктора ЦК: «Что сделано ячейкой в области улучшения госаппарата?», с таким удивлением и чувством собственного превосходства ответил: «и чудак же ты! Ведь у нас не то, что на заводе, у нас совсем другое дело. У нас ведь советская ячейка. Вот парень на заводе вместо 100 гаек по норме сделал 110—это социализм. А мы то, мы то, что можем делать?»

В-третьих, слабо подготовлена и привлечена к конкретной работе по улучшению госаппарата и борьбе с бюрократизмом комсомольская масса.

Во многих ячейках вопрос о борьбе с бюрократизмом и работе по улучшению госаппарата не обсуждался (Кострома), комсомольская масса в большинстве своем с ним незнакома.

В др. организациях (Тула) почти во всех ячейках заслушивались доклады, но настолько поверхностно, что у некоторой части комсомольцев создались такие мнения: «Ну, вот, поговорили о борьбе с бюрократизмом и довольно. Можно замолчать, все равно ничего не сделаешь».

А вот в Н. Новгороде есть и такие ячейки (губсуда, кооп. пред.), которые прямо заявляют «хорошо ведут работу парт'ячейки и РКН, а мы ничего не сможем сделать».

Слабо привлекаются к работе (Чебоксары) по улучшению госаппарата комсомольцы, еще хуже беспартийная молодежь.

Конечно, преломление этой директивы и темп работы упираются еще в ряд других недостатков советской ячейки: отсутствие

стройной оргструктуры, слабый контроль бюро ячеек над работой комсомольцев и т. д., но мы на них останавливаться не будем, т. к. это не входит сейчас в нашу тему.

Но было бы совершенно неверно отсюда делать такой вывод: раз директивы партии слабо преломились, актив не везде подкован, не все комсомольцы уяснили этот вопрос и привлечены к работе—значит ничего не сделано. Отнюдь нет!

Факты—упорная штука. Факты—аргумент наиболее убедительный. И если мы их развернем, то убедимся, что немало достижений увенчали успехом работу ряда ячеек и отдельных комсомольцев. Они сами за себя заговорят.

Прежде всего советская ячейка столкнулась с вопросом об изыскании новых форм для этой работы. В самом деле, какие формы лучше всего приспособить для борьбы с бюрократизмом и улучшения госаппарата? Отсутствие практических организационных форм сильно мешало работе.

Но жизнь—лучший мастер, организатор. Она (жизнь) всегда сумеет придумать, создать эти формы. Так и получилось. Конкретная работа создала конкретные формы.

В советских ячейках Москвы стали созываться *совещания комсомольцев по отделам, по специальностям*. На собраниях ячеек стали заслушиваться *доклады директоров, отчеты комсомольцев*, выделенных для работы в качестве представителей от ячейки. Организовывались *добровольные группы*, которые следят за прохождением бумаг, борьбой с прогулами, опаздываниями и т. д.

В Ленинграде при советских ячейках организовывались *кружки по содействию партии в деле снижения цен*, эти кружки наблюдали за прейскурантом, за правильным весом и т. д. Например, после обследования 15 кооперативов было установлено, что в большинстве случаев покупателей обвешивают. Были сделаны соответствующие выводы, и кого следует взрели.

В Н. Новгороде, в Москве при «Комсомольской Правде» созывались очень интересные совещания по вопросу о борьбе с бюрократизмом.

Наконец, особенно интересен опыт устройства конкурсов, трудовых соревнований в советских ячейках Москвы, Ленинграда, Пскова, на которых мы остановимся несколько подробнее.

«В Большом театре,—мечтал т. Сосновский,—рабочие вступают в трудовое единоборство. Конкурсы, соревнования, заинтересуют молодежь своей свежестью, заставят многих отряхнуть от себя прах хулиганства, дадут возможность направить энергию молодежи в нужное русло». Эту мечту почти одновременно осуществили московские, ленинградские комсомольцы. Волна конкурсов прокатилась по производственным ячейкам нашего союза и достигла до советской ячейки. Советская ячейка делает первые шаги к применению этой формы работы, применяя ее для улучшения госаппарата. Первый почин сделала Москва.

Госторговские комсомольцы задумали не только выявить молодежь, работающую в аппарате, но и организовать трудовое соревнование между работниками. Решили после производственного обследования провести конкурс. Обследованием был охвачен весь госторговский молодежь в количестве 175 чел.

Закончив обследование, выпустили газету с объявлением о конкурсе. Пустили клич ко всему Госторгу. Анонсаги со стен Госторга извещали всем «пишите на конкурс». Создали жюри. Изы-

скали средства для премий. Через некоторое время посыпались заметки. Всего их набралось до 50. Приведем парочку без выбора.

1. Комсомолка Кантер предложила ликвидировать инспекции по конторам (в некоторых имелись) и слить их с обще-правленской инспекцией.

2. Другой комсомолец внес предложение о ликвидации того отдела, в котором он работает, и цифрами обосновал ненужность его.

Премию присудили трем комсомольцам. Кроме того, жюри постановила выдать 5 отзывов в рамке под стеклом другим 5 хорошим работникам. За ячейкой Госторга последовала ячейка Московского почтамта, ячейка Госиздата.

Другой примеѣ относится к комсомольцам города Холма (Псков).

В Холме комсомольская ячейка провела конкурс на лучшего совработника. Ячейка объединяет комсомольцев различных профессий, и поэтому конкурс, в котором участвовало 13 чел., был особенно интересен. Приходилось состязаться и политпросветчикам, и аптечным работникам, и совслужащим, и лесоводам. Участникам конкурса были заранее розданы анкеты, в которых были такие вопросы: «Каких добился ты улучшений в работе своего учреждения? Как ты борешься с бюрократизмом? Как проводишь режим экономии, результаты работы? В чем выразилась твоя практическая работа в кооперации, горсовете» и т. д.

На общем собрании участников конкурса, где собралось очень много молодежи, анкеты обсуждались. Первая премия была дана комсомольцу — секретарю уездного отделения профсоюза сел.-хоз. рабочих. Этот комсомолец в своей работе добился наиболее быстрого выполнения переписки, экономии на бумаге, перьях, почтовых расходах. Работает в горсовете и, являясь председателем секции просвещения, хорошо наладил ее работу. Наконец, очень интересен опыт ячейки ТПО (Ленинград) по устройству конкурса на «лучшего комсомольца — работника прилавка».

В этом учреждении говорили, что комсомольцы скверно обращаются с покупателями. И вот один раз с забузившим покупателем комсомолец — продавец вступил в объяснения. Старый продавец ему запретил. Этот случай вызвал возмущение среди молодежи и заставил ячейку созвать совещание, на котором выявилось скверное отношение старых продавцов к комсомольцам и наличие случаев халатного отношения некоторых комсомольцев к своим обязанностям. Решили устроить конкурс. Молодежь встретила это решение дружно и хорошо. Старики недоумевали. Один партиец на предложение дать отзыв на комсомольцев — работников прилавка так ответил: «Не стоит заниматься ребячеством». Препятствовали и некоторые лавочные комиссии, которые отнеслись чисто формально к отзывам комсомольцев.

Конкурсы были в некотором роде коллективным смотром работы отдельных частей соваппарата и увязки его в целом. Каждый комсомолец, отчитываясь в отдельности, отчитывался за часть работы, но в совокупности от отчетов нескольких комсомольцев получалась цельная картина состояния и работы соваппарата и участия в нем комсомола.

Этот опыт нужно перенять всем ячейкам союза.

В советской ячейке огромное значение имеет работа экономкомиссии и представителей ячейке в органы по улучшению соваппарата. Это уже осознали комсомольцы совучреждений.

В ячейке Госиздата (Москва) экономкомиссия привлекла к постоянной работе 25—27 чел. И результаты налицо. В Госиздате один из ярких видов бюрократизма — это отписка резолюциями. Чтобы получить подписчику обратно всего лишь три руб., ему надо иметь не меньше семи резолюций. Экономкомиссия заинтересовалась этим вопросом, проработала его, и сейчас вместо 7 резолюций подписчик может ограничиться только двумя.

В другой ячейке (Сельскосоюз) из состава экономкомиссии была выделена группа ребят, которая взялась за изучение отношения молодежи к работе учреждений, работы представителей и т. д. Были просмотрены табеля, проведены беседы с завами, партийцами, работающими вместе с молодежью. О каждом парне была составлена характеристика. Материал обследования был представлен на общее собрание. Собрание прошло бурно. Вскрыли все извочки.

Много недостатков в Донугле (Краснозаводск). Экономкомиссия решила взяться за их искоренение. И первым почином послужило предложение о правильном названии должностей, так как некоторые сотрудники Донугля, числясь по штату секретарями отделов, выполняли работу делопроизводителей, ставку же получали как секретари. Предложение было принято.

В некоторых ячейках Ленинграда ввели систему выработки заданий. Так, одному комсомольцу предложили изучить вопрос о введении в жизнь карточной системы делопроизводства, другому — рационализацию работы курьеров и т. д.

В ячейке Наркомзема (Чебоксары) задания, даваемые отдельным комсомольцам учреждений, обсуждались экономкомиссией. В результате свои практические работы по землеустройству комсомольцы выполняли лучше старых спецов.

Хуже дело обстоит с представительством. И хотя работа в некоторых организациях (Москва) начата в этой области: проводится обследование их работы, устанавливается отчитываемость комсомольцев за свою работу и т. д., — но все же большинство организаций этим вопросом видимо серьезно не занимается. А между тем этот вопрос тем более важен, что он связан с вопросом подготовки советских работников.

Чиновников в советском аппарате нужно заменить. Но для их замены нужно иметь подготовленные, квалифицированные силы. Ясное дело, что комсомол может и должен в этой подготовке взять на себя определенную работу.

Каким образом комсомол должен вести эту подготовку?

Во-первых, выдвижением из среды молодежи наиболее способных, прикреплением к специалистам; *во-вторых*, через школы конторского и торгового ученичества готовить смену.

С выдвиженчеством у нас работа поставлена из рук вон плохо. Большинство ячеек союза этим вопросом совершенно не занимается. Некоторые ячейки пытались, но и то лишь тогда, когда происходило выдвижение, но как только ребят выдвинули на ответственную работу, ячейка умывала руки, считая, что дальше дело не ее, там уже дело администрации. А с течением времени многие ячейки даже забывают, кто был выделен. В качестве иллюстрации можно привести ответ на вопрос, «какую работу ведет ячейка с выдвиженцами?» члена бюро ячейки Наркомторга (Москва): «А мы даже и не знаем, кто у нас выдвиженцы!» А на вопрос, чем объясняется это странное «незнание», последовал такой чистосердечный ответ: «Мы как-то не думали до сих пор про это, недосмотр

наш...» Эти «недосмотры» встречаются почти сплошь да рядом. В ячейке ВСНХ (Москва) зашел разговор о 300 выдвиненцах, посланных на работу МК партии. Секретарь планового отдела Главметалла, он же секретарь ячейки комсомола ВСНХ, глубоко-мысленно и коротко сказал: «У меня совесть чиста. Это дело учраспреда, который должен это проводить «чисто механически».

В последнее время заметно стала применяться система прикрепления комсомольцев к специалистам. Например, ячейка НКФ (Москва), в целях повышения квалификации молодежи, прикрепила одного комсомольца—заведующего столом личного состава—к юрисконсульту для изучения вопросов оплаты труда и условий найма, комсомольцев—делопроизводителей прикрепили к бухгалтерам. За повышением их квалификации ячейка установила контроль.

В ячейке НКРКИ (Москва) отдельные ребята прикреплялись к секретарям секций из партийцев и комсомольцев для учебы и повышения квалификации. Были устроены две проверки. В результате ряд комсомольцев получил более ответственную работу.

О результатах этого прикрепления еще рано говорить, но во всяком случае заранее можно сказать, что при установке хороших взаимоотношений со специалистами и постоянном контроле ячеек это прикрепление даст хорошие результаты.

О курсах и школах конторского и торгового ученичества. Этот «канал» подготовки квалифицированных сил наиболее развит в советских ячейках, хотя и здесь имеется ряд недостатков. Нужно отметить, что в этом деле ячейки встречают полную поддержку наших хозяйственников.

В Мосфинотделе для поднятия своей квалификации молодежь занимается на специальных курсах и в кружках. Так, на финансово-налоговых курсах занимается 21 чел. Организованы кружки: контрольно-бухгалтерские, по инспекции прямых налогов и т. д.

По инициативе комсомольских ячеек при местном трудинде (Москва) была организована школа по поднятию квалификации. В ней занималось 11 чел. После окончания школы администрация сама провела продвижение.

Не отстают и советские ячейки Тулы. При ячейке губздравотдела выделили комсомольцев в кружок по ликвидации саннеграмотности.

В ячейке ЦРК организованы курсы мясников, галантерейщиков. Ребята активно посещают и занимаются в них. Эти примеры можно было бы умножить, но и без того ясно, что практика выдвинула много новых интересных форм работы, которыми надо уметь воспользоваться.

Мы видели, что немало у нас таких комсомольцев и служащих, которые своими отдельными предложениями стараются улучшить работу в соучреждениях, упорно ведут борьбу против элементов бюрократизма в нашем аппарате.

Но все ли так настроены? У всех ли комсомольцев есть желание помочь партии в этой работе? Нет, не у всех. У нас есть другая группа комсомольцев, которая глухо молчит о недостатках в своем учреждении, не желая выносить сор из своей избы. Эти рассуждают так: «Зачем нам говорить о своих язвах, пусть другие их лечат и о них говорят, а мы лучше помолчим — для нас же лучше будет». Так могут рассуждать или подхалимы, люди, которые выше всего

ставят свои интересы, или совершенно непонимающие всей важности и значения этой работы.

Среди этой группы у нас немало случаев самого отъявленного бюрократизма. Именно здесь проявляется бездушное отношение к массам. Например, в губфо (Пеков) комсомольцы нерадушно встретили крестьянина, который должен был уплатить деньги в приходо-расходной кассе. Комсомольцы решили позабавиться, а тут подвернулся «серенький мужичек». Ну и пошла катавасия. Крестьянина тыркали больше часа от одного стола к другому.

Другой пример, в Наркомземе (Чебоксары) один крестьянин обратился к комсомольцу (ведущему его дело) в часы занятий за соответствующим разъяснением. Комсомолец точно «заправский» чиновник высокомерно бросил—«занят». В самом деле, как можно отрывать человека, играющего в шахматы? Мало того, игра происходит в часы занятий, но ведь шахматы игра серьезная, надо сосредоточиться. Крестьянину пришлось ждать около часу, пока этот комсомолец не закончил свои неотложные «государственные дела» — игру в шахматы.

Казенщина, формализм нередко живет и в самом комсомольском аппарате. В бюро расследований «Комсомольской Правды» поступает не менее 4 дел ежедневно с просьбой, как-нибудь ускорить высылку либо личного дела, либо членского или кандидатского билета.

А подсиживание и склоки — это разве не то же влияние бюрократизма в комсомольском аппарате.

Яркий штрих такого вида бюрократизма в комсомоле дает тов. Дмитриев в фельетоне «Дело комсомольца Елифанова».

Да мало ли у нас таких фактов!

О чем они говорят?

Они говорят о том, что среди комсомольцев есть такие, которые умалчивают, скрывают недостатки и тем самым объективно способствуют развитию элементов бюрократизма в наших сов. учреждениях.

Они говорят о том, что зачастую бюрократизм гнездится в нашем комсомольском аппарате.

Они говорят о том, что по бюрократизму нужно открыть комсомольский огонь.

Последнее слово подсудимого¹

Еду, еду, не свишу,
А наеду—не сиучу.

I

В третьем номере нашего журнала пишущий эти строки высказал несколько мыслей о «праве на любовь». Не мне судить, насколько они справедливы, но судя по всему, они сказаны вовремя². В № 5 на них последовал длиннейший ответ т. А. Сараджева («На «стыдную» тему»), в № 13 к ним вернулся И. Незнамов («Еретические заметки»), а в № 14 — С. Милейко («Эротическая ересь и еретическая любовь»). Дискуссия перерастает снежный ком, но это было бы только отрадно, если она помогает разобраться в сложном бытовом переплете, научает читателя, что делать и чего не делать. Тогда эти статьи полезны и их появление следует всячески приветствовать, но, к сожалению, разбираемые статьи не таковы.

Нетрудно заметить, что они повторяют друг друга; вместо новых фактов и новых мыслей приводят новые цитаты из новых писателей; строгие рамки узкой темы раздвигают до масштаба вопросов «вселенной и ее окрестностей», наконец, деловое обсуждение в этих статьях уступает место еврейским анекдотам и взаимной перебранке. Ясно, что такая литература не проясняет, а запутывает и вопрос и бедные читательские головы. В конце-концов, она сведется к скоплению оговорок, поправок, шпилек и увеселительных строк, т. е. к праздной игре ума. К участию в игре можно допустить всех читателей: писать такие статьи совсем нетрудно. Мы даже откроем для новичков секрет их изготовления: возьмите двусмысленный анекдот или забавную историйку, цитните за икры двух-трех проходящих авторов, скажите, что они не читали Маркса и Больше, пройдитесь «с одной стороны» и «с другой стороны», разбавьте получившееся десятком цитат покруче, напишите сверху: «Еще мысли о еретической любви» и — раз, два, три! — статья готова. Полюбуйтесь на нее и бегите скорей на почту.

Конечно, и такого рода литература найдет интерес у известных словес, но комсомольский актив едва ли нуждается, чтобы ему щекотали пятки или расковыривали для его удовольствия скабрзную литературу.

Все эти соображения заставляют меня еще раз взять слово, в надежде на то, что оно будет заключительным.

II

Большая, если не большая часть вышеназванных статей направлена прямо или косвенно против автора этих строк и требует

¹ На этом Редакция считает дискуссию законченной. Ред. „Ю. К“.

² В частности, я получил несколько писем от наших читателей. Пользуюсь случаем поблагодарить их и попросить написать свое мнение о мыслях, развиваемых в этой статье.

ответа. Задача не из благодарных! Вместе с Писаревым я могу сказать, что «не люблю вести оборонительную войну, потому что защищаться—значит в большей части случаев повторять то, что уже было сказано прежде, и при этом повторении соскабливать со своих мыслей ту грязь, которая навалена на них тупоумием или недобросовестностью журнальных оппонентов. Это занятие скучное, кропотливое и бесплодное. Надо возиться с запутанною аргументацией противника, надо, как мошенника¹ ловить его с поличным на каждом софизме, надо сверять его лживые показания с подлинными документами, надо рассматривать в микроскоп такую дрянь, к которой гадко прикоснуться, и, наконец, ценою всех этих трудов, располагающих к морской болезни, приходится купить тот тощий результат, что какой-нибудь Н. или М. глуп как пробка или врет хуже всякого барона Мюнхаузена. Покупать такой мизерный результат дорогою ценою тошнотворной работы особенно неприятно в том случае, когда льстишь себя надеждой, что этот результат достанется читателю даром, при первом взгляде на труды глупого или недобросовестного писателя». «К сожалению, — заключает Писарев, — эта надежда часто оказывается слишком розовою».

Оставлять сделанные возражения без ответа тоже не годится. «Ага! — скажут противники. — Он молчит! Ему нечего сказать; он испугался. Мы предсказывали...»

И им верят...

Поневоле приходится откладывать текущую работу и снова браться за своих словоохотливых «опровергателей». Но, чтобы не тратить времени попустому и не тянуть волынки, я позволю себе не ловить «как мошенников» своих противников на каждом слове, софизме, перевернутой цитате, а ограничусь «сильнейшими» их аргументами, представляя остальное любознательности выносливого читателя.

III

Наиболее грустное впечатление оставляет статья, вернее проповедь, тов. А. Сараджева, несмотря на свой профессорский тон и щегольскую ученость. На жизнь наш проповедник смотрит через *темные очки*:

«Когда мы конкретно сталкиваемся с вопросами быта молодежи Советских республик, то перед ним встает поразительный факт. Все вопросы быта, как-то: внутренней и внешней культуры, упорядоченность психических и физических движений, дисциплины — нравственной и умственной и т. п., — все эти вопросы заслоняются в представлении молодежи одним вопросом — вопросом пола» (курсив мой — *Ип.*).

Через пять строк автор считает необходимым снова повторить:

«Перед нашими глазами подымается какая-то колоссальная тень и оттесняет, затемняет не только все остальные вопросы быта, но и самую задачу пролетариата — непосредственную борьбу за социализм».

Надо иметь очень нездоровое воображение, чтобы отыскать в советской действительности нарисованные ужасы. Все известные нам источники информации приносят более утешительные сведения. Молодежь, особенно комсомольцы—интересуются сейчас (берем

¹ Именно поэтому автор обходит молчанием рецензию, пользующегося печальной известностью, В. Ермилова, помещенную в № 13 „На Литературном Посту“.

последние месяцы) использованием летних отпусков, близкими и дальними экскурсиями, плаванием, гребным и др. спортом, поступлением на учебу, обороной страны и военизацией (одесский комсомол, к примеру, организовал поход за город с тактическими маневрами вполне на военную ногу). Все это можно прочесть в любой газете, об этом пишут наши провинциальные работники и друзья, но нигде мы не встретили господства «вопросов пола». Мы знаем молодежь и поэтому не верим сараджевским басням о «колоссальной тени», заслонившей борьбу за социализм.

Иначе,—если он прав,—грош цена и руководству, допустившему такое положение, и советской печати, постыдно замалчивающей опасность, и нашей партии, проморгнувшей и покрывающей упадок и разложение в рядах молодежи. А. Сараджев бросает комсомольскому общественному мнению тяжкий упрек, но он больше похож на клевету, чем на правду.

Имея перед глазами одну страшную, черную тень, Сараджеву было от чего притти в панику, и неудивительно, что он счел «опасным» даже название моей статьи, которую он, кстати сказать, совершенно не понял. По его мнению, она «направлена главным образом против тов. Смидович». Не угадали, тов. Сараджев! Мне надо было рассчитаться с куда более вредными и далеко ведущими заблуждениями, а карточные домики тов. Смидович мне попались по пути и я их захватил с собой для полноты картины.

Тов. Сараджев с похвальной усидчивостью развивает свою догадку о моем опасном противнике и приводит читателей к мысли, что:

«...тов. Ипполит пренебрег совершенно общественной стороной вопроса, забыл о долге любящих друг друга лиц по отношению к коллективу. Отсюда можно также заключить, что тов. Ипполит совершил ошибку более серьезную и менее поправимую, чем тов. Смидович...»

«...тов. Ипполит—за любовь, которая является орудием социальной связи, но он же бьет по этой связи, когда он игнорирует такими решающими моментами любви, как появление на свет третьего спутника любящих друг друга лиц».

«Прямо преступна проповедь какой бы то ни было формы любви, если она не предусматривает самого главного, самого значительного для общества—ответственности семьи за свое юное поколение. И эту ошибку совершает тов. Ипполит».

И, конечно, в итоге:

«тов. Ипполит дает теоретическое обоснование самой обыкновенной половой распущенности».

Для этого итога тов. Сараджев так долго, грубо и неискусно тасовал факты и цитаты, что даже его доброжелатели догадались, что дело не чисто. Я не стану исписывать страниц в опровержение взведенной на меня напраслины, не стану возвращать тов. Сараджеву его любезности: я приведу только один абзац из инкриминируемой статьи; он покажет, как близки к истине его нападки.

«С нашей точки зрения,—писал я,—любовь обязывает и обязывает ко многому, даже если происходит «охотно и добровольно». Мы воспитываем среди нашей молодежи чувство величайшей ответственности за половые связи, сурово боремся с половой распущенностью и с абортными. (Я привожу дальше мнение Нины Вельт, с которым вполне согласен): «Мы за детей!»—писала Нина Вельт.—Для семьи ребенок необходим,

как хлеб и вода». Среди здоровой части нашей молодежи, т.е. среди подавляющего большинства, нет двух мнений на этот счет».

В отдельном издании «Право на любовь» я выразился еще яснее:

«Мы первые приветствуем тов. Смидович во всех ее практических предложениях, рука об руку боремся с половой беззаботностью и распушенностью молодежи...»

Как видит беспристрастный читатель, именно в этом практическом вопросе я вполне согласен с тов. Смидович. Спор у нас шел совсем по другому поводу, а тов. Сараджев написал длинную статью, ничего в нем не понимая.

Чтобы кончить с тов. Сараджевым, покажем читателю размах его теоретической мысли. Вот заключение его статьи:

«Основной вывод, который мы должны сделать из разбора такого сложного вопроса, как *вопрос о любви*, — это то, что этот *вопрос* нужно связать теснейшим образом с другими *вопросами* быта и подчинить интересам диктатуры пролетариата».

Какая широта, какая свежесть мысли! «Увязать вопрос любви с вопросами быта» — глубокий, содержательный вывод! Стоило ли только громоздить турусы на колесах, отнимать невозвратное время у себя и читателей, чтобы передать им эту бадню премудрости? Да любой из нас отлично знал ваш «вывод», даже не взглянув на статью. Надо быть крайне нелестного мнения о комсомольском активе, поднося ему с серьезным лицом этот трюизм.

IV

Следующий ополченец — И. Незнамов — отличается от Сараджева, как белая краска от черной. Теней он не замечает, для него постановка вопросов половой жизни — пересол и путаница, так как «поставлена на ряду с *подлинным* злом, с *подлинными* и *отрицательными* явлениями в области быта». Как будто первые выдуманы искусственно... «Причиной, вызвавшей последнюю дискуссию, — являются для И. Н. не бытовые факты, наблюдаемые и изученные с достаточной тщательностью, а некоторые литературные произведения, точнее — неизвестные рассказы Романова, Малашкина и Гумилевского». Это дает ему повод переставить всю проблему в плоскость литературных сравнений. Возражая мне, например, он задает вопрос:

«...кто с точки зрения классовых задач пролетариата предпочтительнее: Даша из романа Гладкова, даже — ох, куда ни шло, — сильно шаржированная Ална Гумилевского, или жаждущая любви и уюта Варя из того же романа Гумилевского?»

Но ведь это же чистая метафизика! Как на нее ответить? Широкий интерес к разбираемой проблеме создан вовсе не литературой, а ходом общественного развития. Литература только оформила и представила обществу созревшее в его недрах настроение. Успех, во всяком случае внимание, привлеченное перечисленными И. Н. произведениями, тем и объясняется, что они спаяли в один большой вопрос ряд мелких явлений. Теперь спрашивается, зачем же мне сходить с надежной почвы фактов на зыбкое бумажное поле? Гораздо приятнее иметь дело с самой жизнью, чем ее отражением в зеркале, пусть даже хорошим.

«Появление этих рассказов,—продолжает И. Незнамов,—вызвало целый (?) взрыв публицистической и критической словесности. Каждый почел своим священным долгом наострить перья, собрать весь арсенал своих доводов и все стрелы своего ядовитого остроумия, до тех пор *спокойно покоившихся* в их колчанах, и высказаться по вопросам быта и, в первую очередь, продиктовать молодежи нормы повои морали».

Соблазненный, как видно, их примером, тов. Незнамов решил внести и свою лепту в общий котел. Он тоже «наострил перья и стрелы своего ядовитого остроумия» и, под звуки литавр, выступил в поход. На свою беду он вскоре повстречал такого же остряка С. Милейку, который изрядно поощипал его оперение, избавив нас от тягостной необходимости останавливаться на нем подробнее. Скажем ему за это — спасибо!

Добавлю, что по отношению ко мне И. Незнамов избрал самый легкий метод доказательства. «Хороши мы будем,—говорил он,—если наша молодежь последует советам тов. Ипполита и будет разыгрывать любовь а-ля Гамсуи...» И блестяще доказывает, что Гамсуи неправ, что любовь это не «сон золотой, удойительный», не «цветы и кровь», не «первое слово бога». Все это очень прекрасно, но остается неизвестным, где это Ипполит давал молодежи такие советы и такие определения? Ведь, нельзя же ставить знак равенства между взглядом моим и Гамсуи или Келлермана! Здесь тов. Незнамов впадает в ошибку, которая называется в логике «petiti principii», т. е. считает уже доказанным то, что еще требуется доказать. Таким путем можно, конечно, «доказать» все, что угодно, но кого это убедит?

V

«А судьи кто?»

Воспользовавшись оплошностью партнера, С. Милейко всерьез вообразил себя судьей и встал в соответствующую позу:

«Еретик может быть, в сущности, совершенно спокоен.

Его не предадут аутодафе. Святая инквизиция сумеет разобраться в степени его прегрешения».

Подход к противнику у него, точно, инквизиторский. Он ведет допрос с пристрастием, сам отвечает и расспрашивает за противника и щекочет его каленым железом. Нам хочется показать хоть на одном случае, чего стоит добросовестность святого отца-инквизитора.

«Только, как можно мягче выражаясь, некомпетентность Незнамова в истории может позволить ему написать, что любовь развилась «во времена и среди рыцарства».

«Каждому позволено иметь свое мировоззрение, хотя бы и основанное на книгах для детей среднего возраста дореволюционного образца» (что это за дети «дореволюционного образца»?—*Ин.*). Но писать на этом основании статьи для комсомольского актива не позволительно».

Пикантность положения в том, что обрушивая громы и молнии на голову т. Незнамова, кровожадный инквизитор попадает в... Фридриха Энгельса. Именно у Энгельса заимствовано это удивившее т. Милейку положение. Он может проверить сам. Энгельс пишет:

«Первоначальная историческая форма индивидуальной половой любви, как страсти и именно как страсти, свойственной каждому человеку (по крайней мере из господствующих классов), как высшей формы полового отношения, что

составляет специфический характер этой любви,—это первоначальная форма, средневековая рыцарская любовь...»¹

— Рыцарская любовь! — вмешивается тов. инквизитор. — А знает ли автор, что прекрасные рыцарские дамы были настоящими затворницами, что уходя в поход, рыцарь одевал своей «даме»² специальный пояс на замке, долженствовавший служить гарантией верности?»

«...средневековая рыцарская любовь,—продолжаем мы цитировать Энгельса (имейте терпение, тов. Милейко!)—не была супружеской любовью. Рыцарская любовь, в ее классической форме, у провансальцев всегда сопровождалась нарушением супружеской верности, и эту любовь воспевают современные ей поэты. Перлы провансальской поэзии любви — это *alba*, песни на заре. Обыкновенно в них описывается в пламенных выражениях, как рыцарь лежит в постели с возлюбленной — чужой женой, а под окном дежурит сторож; он при первом появлении беловатого (*alba*) света занимающейся зари своим окликом будит рыцаря и этим дает ему возможность незамеченным скрыться; сила всей песни — сцена прощанья. Северные французы и добродушные немцы переняли этот род поэзии со свойственной им рыцарской любовью, и наш (немцев) старый Вольфганг фон Эшенбах написал на эту тему три предельнейшие песни, которые несравненно выше его героических поэм»³.

Итак, Энгельс, на удивление С. Милейко, во-первых, всеми буквами пишет, что «первоначальная, историческая форма индивидуальной половой любви» относится к эпохе рыцарства (конечно, отдельные случаи бывали и прежде, но как исключение); во-вторых, Энгельс доказывает, что любовь могла проявляться вне «законного брака».

Раз привлекши покойника к ответу, мы его не отпустим, пока он не поможет нам заодно разобраться в дальнейшей инквизиторской болтовне.

«Мы предлагаем читателю, — гремит инквизитор,—сохранять спокойствие и по возможности не издавать изумленных восклицаний до конца следующей цитаты:

«Любовь,—пишет Ипполит,—не имманентное (т.е. внутренне присущее) свойство человека, а категория историческая (т.е. временная). В состоянии дигости люди не знали (некоторые меланезийские племена и до сих пор не знают)—(чего? чего? ради бога скорее, товарищ Ипполит! — С. М.) любви (!!! С. М.). Чувство (а впоследствии и понятие) половой любви в нашем смысле слова (в чем это — в нашем? — С. М.) возникает лишь на довольно высокой ступени человеческого развития».

Мы предлагали читателю во время цитирования не издавать изумленных восклицаний. Но сами не утерпели. Каемся, но как тут утерпишь, когда человек *попросту не знает, о чем пишет?* Ипполит просто не затруднил себя вопросом, что такое любовь не «в нашем смысле слова», а в серъ-

¹ „Происхождение семьи“. Перевод И. Дебу. 1918 г. Пгг. Стр. 24.

² Только не „даме“. „Дамам“ считались исключительно чужие жены, замкнуть которых было не так легко... *Ип.*

³ Там же, стр. 24.

езном общепринятом. Так как Ипполит на протяжении всех 77 страниц своей книжки этого не объясняет, то и получается, что он представляет себе эту штуку (?) в виде етакой какой-то (какой же все-таки?—*Ип.*) надстроечки (над чем?—*Ип.*). Получается что-то такое воздушное, «психо-социальное», выпреннее, духовное и платоническое до чертиков (из чего всё это следует? Где факты?—*Ип.*). А ведь человек целую книжку о любви написал».

Бедный инквизитор! Вы, как легендарный пошехонец, запутались в трех сонмах! Мне вас жаль, и я помогу вам выбраться из смешного положения. Для вас я снова изложу — постараюсь проще, применительно к вашему, т. Милейко, уровню одаренности и развития, — ускользнувший от вас смысл моих простых слов, отлично понятых остальными читателями журнала.

Вы хотите прежде всего узнать, что такое любовь? Когда одна очень некрасивая дама долго надоедала Бальзаку¹ просьбой объяснить ей, что такое любовь, он ответил: «Сударыня, попросите лучше, чтобы вам ее доказали!». Я присоединюсь к Бальзаку: кто чувствовал любовь, тот знает, что это такое, а кто не способен почувствовать, — все равно не поймет, сколько ему ни объяснить. Но, так как вы настаиваете, я попробую.

Под этим термином я, вслед за Энгельсом и др. марксистами, понимаю современную индивидуальную половую любовь. Она значительно отличается от простого полового влечения, от «Эроса древних». В чем между ними разница, я не могу здесь объяснить для вас одного, — отослал вас к странице 66 моей брошюры, которую вы так невнимательно прочли, и к классической книжке Энгельса, которую я цитирую. На первый раз вам этого с литературы хватит.

Это не мой личный взгляд, а всей марксистской школы. Поэтому я и говорю «в нашем смысле», в противовес идеалистическому пониманию слова. Вот вам вторая загадка. Сейчас будет третья и последняя, ради которой мы и задерживали Энгельса.

По Энгельсу — до сих пор не опровергнутому — семья проходила следующие формы: 1) кровосродственная семья, 2) напалуа — семья (групповая), 3) парная (случайная) семья и, наконец, 4) единобрачная (моногамная) семья. Естественно, что в трех первых формах для индивидуальной любви нет места, там господствует первичный половой инстинкт. «Из всех известных форм семьи, — говорит Энгельс, — только при моногамии (а это и есть «довольно высокая ступень человеческого развития» — *Ип.*) могла развиться новейшая индивидуальная половая любовь»². «Положение женщины в моногамии послужило основанием великому нравственному прогрессу — в самом ли браке, на ряду с ним или наперекор ему, все равно — новейшей индивидуальной любви между двумя лицами, чего прежде почти не встречалось». Но и при моногамии индивидуальная любовь является не сразу, в готовом виде, она продукт длительного развития. Например, в Грузии, несмотря на моногамию, «муж стыдился выказать любовь к жене» и предпочитал пользоваться продажной любовью.

¹ Примечание специально для тов. Милейко. Бальзак — известный французский писатель.

² Энгельс „Брак и семья“. Стр. 21.

Ясно вам теперь, тов. Милейко? И кто же из нас «попросту не знает, о чем пишет»? И кто «не затруднил себя вопросом, что такое любовь в серьезном общепринятом смысле слова»?

Еретик-Незнамов, по скромности или по другим причинам, не предупредил, что указание заимствовано и подвел себя под обух. Урок еретикам! Но красив и критик-картинка!—зачисливший Энгельса в еретики и отчитавший его как школьника.

Как это говаривал Пушкин?

Охота есть, да мало мозгу.

„А сколько лет ему, вопрос?

Пятнадцать! Только-то! Эй, розгу!“

VI

Мы отнеслись к «еретическим заметкам» гораздо мягче, чем придирчивый инквизитор. Как-никак он не больше чем «заметки», т. е. разрозненные мысли неодинаковой ценности, набросанные вскользь, без плана, в свободный час между двумя заседаниями. Иное дело произведения самого инквизитора: это—статья, т. е. как раз тот вид литературы, с которого мы вправе требовать продуманности, систематичности, строгости изложения и многих других хороших вещей, которых все-таки в ней нет и в помине. Из-за духовной бедности статьи и мы, в свою очередь, не можем последовать за оскандалившимся Милейкой и раабить его на голову (или на заменяющее ее место) в каждом его теоретическом убежище, за каждым логическим укреплением. Придется ограничиться осадой твердыни, последнего оплота тов. Милейки, где он засел после стыдного случая с Энгельсом. Такой пункт в его статье есть. На нем, как на платформе, объединились все наши противники. Ему они придают решающее, почти мистическое значение. Страшный убийственный аргумент: имя ему—биология!

Что биология? Где биология? Почему биология? Терпение, товарищи, терпение! Сейчас все откроется.

«Любовь! Что такое любовь?— философствует вслух Милейко.—Да и существует ли вообще любовь? Быть может, все дело в голой физиологии?! Должны ли мы любить? И если да, то как? (Как умеешь! Последний вопрос на дискуссию не ставился. Техника любви вне нашей компетенции).

А проблема, ой какая старая! Об этой проблеме писали еще палочками на воощеных дощечках. Эта проблема дебатировалась еще в рукописях палеолитического периода (каков знаток!—Ип.). Дело идет вперед, проблема изменяется в своей постановке, актуальности, значимости. Но корни живы и будут жить, пока живо человечество, т. к. корни эти уходят в биологию. А человек и поныне не лишен, да и никогда не будет лишен своих животных инстинктов: питания, самосохранения, стадного (социального) инстинкта и инстинкта размножения. Ведь правда? Но разве вы не чувствуете на себе гневного взгляда Ипполита? Разве вы не слышите его резкого окрика?

—Что!? Любовь—биология? А социально-экономического фактора не хотите? Я вам прошу «биологию»!

И Ипполит прописывает ее на спине Сидович. Облаяв не по существу Сидович, Ипполит решил доказать, что и корней-то собственно никаких нет.

Конечно, это грубая неправда. Никогда и нигде я не говорил ничего похожего. Нет, — к чему лукавить? Я вполне согласен, что

своими корнями древо любви «уходит в биологию», если употребить ваше неудачное выражение, но мне это в данном разрезе просто неинтересно. Поверьте, я знаю эти азы не хуже вашего (кто их не знает?). Ну, и пусть себе корни этого чувства (как, впрочем, и всякого другого) спокойно сидят в «биологии» — я на них не посягаю. Я спрашиваю только, какую пользу принесет нам знание этого общеизвестного факта при изучении интересующей нас проблемы?

Старая семья распадается на наших глазах, ее обломки мешают нам жить. Нужно объяснить, почему она разрушается, нужно найти, дать какую-то линию поведения. Вот и спрашивается: чем здесь может помочь биология?

Среди значительной части молодежи — комсомольцы в их числе — распространена поразительная легкость отношений к женщине. Как доказать «от биологии» вред их поведения?

В передней и центральной Азии до сих пор процветает институт многоженства. На Западе его нет. А разве биологическая природа («корни») турка и немца не одна и та же? Пусть-ка биологи объяснят нам своей наукой этот фокус?!

Безнадежные попытки! «Глупо, — говорит Бебель, — искать биологические основания там, где имеют значение лишь социальные причины».

Корни всякого инстинкта покоятся в биологии, но цветы, которые из них вырастают, зависят от социальной погоды. В зависимости от последней изменяется явление инстинкта, тогда как корни его неизменны. Социальная обстановка рождает новые инстинкты, видоизменяет старые, между общественной жизнью («соц. фактором») и природой («биологией») теснейшее взаимодействие и взаимопроникновение.

Зная Милейкину понятливость, поясним для вящей наглядности сказанное примером. К числу основных («животных», по его выражению) инстинктов человека Милейко относит инстинкт самосохранения. Этот инстинкт диктует человеку прежде всего заботу о собственной шкуре, ее безопасности и удобствах. Однако, по мере развития классовой сознательности (мы берем рабочий класс) этот инстинкт ослабевает под влиянием «инстинкта» пролетарской солидарности. Так, скажем, английский транспортник, когда компартия зовет его бастовать против отправки английских солдат в Китай, стоит перед выбором:

— бастовать, — и лишиться работы без надежды ее получить, потверять последний кусок хлеба, оставить голодными и раздетыми, обречь на медленную смерть жену и малых детей, но выполнить классовый долг. Или

— стать штрейкбрехером, — обеспечить сытую жизнь, кусок хлеба на старость, прибавку к скромному жалованью, но навек, как Иуда, запятнать совесть предательством.

В душе рабочего происходит борьба.

— Дурак! — говорит ему инстинкт самосохранения: — Чего тебе нехватает: кирпича в голову? Слава богу, ты сыт, одет, обут, имеешь свой угол, жена довольна, дети веселы — живи себе потихоньку, не лезь на рожон. И ради кого ты хочешь пожертвовать своим уютом, своей семьей, — ради косоглазого китайца, «ходи», желтого дикаря? Что тебе-то за дело до него?!

Честный рабочий внимательно, до конца выслушает голос «животного» инстинкта и... остановит паровоз.

Таких случаев разыгрывается в наши дни не один и не два, а тысячи; чем дальше, тем больше их будет. Это не значит, что «инстинкт самосохранения» перестал действовать; нет, он углубился и развился: из примитивного стал усложненным инстинктом. Он заботится о сохранении не отдельной особи, а класса в целом.

По этому можно судить, каким основательным изменениям подвергся за тысячелетия человеческого развития «инстинкт размножения», за который цепляется т. Милейко. Искать сейчас объяснения всей сложности проблемы любви и семьи в «биологии», как он нам рекомендует, — пошлая, вредная, вульгарная болтовня, опасное упрощенство. С таким же основанием можно было бы объяснить чувством голода («инстинкт питания») современные формы классового борьбы.

Теперь читатель, следивший за нашим спором, видит, что я не отрекаюсь от биологии, не брезгаю ей, а просто, без поклонов, ставлю ее на надлежащее место. А вот критик мой опять попал впросак и «крысы хвост ему отели»... Даже обиженные «еретики» будут над ним смеяться. И так как он действительно смешон в своей наказанной заносчивости, то на этот раз мы за Милейку вступаться не будем.

VII

Повторяю: в нашей схватке на почве теории т. Милейко лежит на обеих лопатках. Но лично я, скажу по правде, недоволен дешево доставшейся победой. Я веду споры и вообще выступаю в печати не за тем, чтобы хлеще—выражаясь изящным милейковским слогом — «облаять» или там «звездануть» противника, а обычно хочу выяснить товарищам и себе какой-нибудь интересный вопрос, поделиться каким-либо любопытным наблюдением, фактом, мыслью. Но только по обязанности занялся я хитросплетениями Милейки или Сараджева. От них за версту несет супью, циркуляром, схоластикой. Куда занятнее перевестись с «еретиком» Незнамовым — он, по крайней мере, ставит вопросы не книжно, а самым живым образом задающие каждого из нас. Я предпочитаю его поучительные ошибки бесполезной невинности т. Сараджева.

Можно ли совместить любовь к женщине, «крепкую семью» — с борьбой за социализм? — спрашивает И. Незнамов и шепотком отвечает — нет, нельзя!

«Разве в порядке дня у нас не продолжает стоять «культ винтовки и социалистического накопления, а все условия жизни — лишь комфорт окопов третьей линии»? Несомненно так, и тем вреднее становятся разнообразнейшие «любовные» теории (в следующей же строке выясняется в чей огород этот камушек — *Ип.*), отклоняющие молодежь от основной задачи — борьбы за социалистическое строительство.

— Мы за крепкую семью, — возвещает тов. Ипполит.

— И чтобы с геранями и канарейками, — добавляет Маяковский.

Эти добрые ребята не знают, что «некий» Фридрих Энгельс писал нечто другое...» (Дальше неинтересно; см. реценз в начале статьи. — *Ип.*)

Да! Я так и думаю, что «крепкая» семья — с детишками, с тюлевыми занавесками, с чистым бельем, с дубовым книжным шкафом, с канарейками, если кто хочет (почему нет?), не помешает нашей борьбе, скорей даже поможет.

В прошлой статье я коснулся, к сожалению недостаточно, отношений к любви эпохи нигилистов, в лице Базарова. Боюсь, что меня плохо поняли¹. Я постараюсь сейчас загладить свой промах и шире развернуть *положительную* сторону взглядов нигилизма. Этой стороной они подходят к нашим принципам виллотную, с ответственностью, конечно, поправкой на современность. Заранее прошу прощения за длинную цитату, но при передаче «своими словами» прелесть ее исчезла бы, а экономия места была незначительной и я принимаю ответственность на себя. Разумеется, слово предоставляется непревзойденному толкователю Базарова, ближайшему публицисту молодежи шестидесятников — Д. И. Писареву.

«У реалиста (читатель должен помнить, что «реалист» — подцензурный термин — синоним «борца за народ». — *Ип.*) труд стоит на первом плане. Что помогает успеху его труда, то он любит. Что мешает его труду, то он ненавидит. Когда женщина является мыслящим существом, способным помогать его работе и ободрять его своим сочувствием, тогда он любит и уважает женщину. Когда женщина является капризным ребенком, требующим себе не участия в полезной работе, а пестрых игрушек, тогда он отворачивается от нее, чтобы она не мешала ему трудиться и не надоедала ему бессмысленной болтовней. Такой брак, который увеличивает силу и энергию работника, называется на языке реалиста полезным, благоразумным и счастливым. Такой брак, который уменьшает или извращает рабочую силу, называется вредным, безрассудным и несчастным. Для прочной связи между мужчиною и женщиною необходим, по мнению реалиста, общий труд. Мужчина должен трудиться и женщина также должна трудиться. Если они трудятся в одинаковом направлении, если они оба любят свою работу, если оба способны понять ее цель, то они начинают чувствовать друг к другу симпатию и уважение, и, наконец, мужчина и женщина объявляют свое решение перед обществом и призывают на свой союз благословение любви».

Если теперь читатель заменит устаревшую терминологию: вместо «реалист» поставит «коммунист», вместо «труд» — «борьба» и т. д. и т. п., то близость взглядов бросится ему в глаза. Пойдем дальше:

«Если брак заключен при таких условиях, то, по мнению реалиста, счастье обоих супругов с каждым годом должно увеличиваться, и вместе с их счастьем должна постоянно увеличиваться их взаимная привязанность. Реалист улыбнется самой презрительной улыбкой, если вы попытаете сказать ему, что за обладанием должно следовать охлаждение (в нашем споре еще не высказали этого опасения, — смелости нехватило, — но думали. — *Ип.*)».

— Да, — ответит он вам на это, — так всегда бывает с теми людьми, которые от нечего делать раздражают свою чувственность и горячат свое воображение в то время, когда они начинают сближаться с красивой женщиною, и обладание представляется их праздному уму высшею целью жизни. Когда эта цель достигнута, является разочарование, является чувство внутренней пустоты, а чтобы наполнить эту пустоту, они ставят себе новую цель в таком

¹ Чтобы доказать несостоятельность нигилизма, Тургенев «любил» Базарова, — пишет Незнамов, — в лице «губернского масштаба», Базарова, который так же, как и Хорохорин, отрицал идеальное или романтическое в любви». Мне трудно даже объяснить, какой это несуетный вздор. Нельзя понять Тургенева хуже.

же роде, то-есть они направляют все усилия к тому, чтобы соблазнить другую женщину. И потом опять пустота, и опять стремление к новым победам. Все это в порядке вещей, но у меня,— продолжает реалист,—такие переходы от безумной любви к безумному разочарованию совершенно невозможны. Цель моя в жизни была всегда одна и та же, и эта цель поставлена так далеко и так высоко, что сотни поколений будут к ней стремиться и сотни поколений умрут прежде, чем она будет достигнута, несмотря на то, что каждое новое поколение будет стоять к ней ближе всех предыдущих. С этой настоящей целью моей жизни обладание любимой женщиной никогда не имело ничего общего. Я всегда видел в счастливой любви очень большое наслаждение, помогающее нам переносить трудности и неприятности утомительной работы и упорной борьбы с человеческими глупостями. Я всегда смотрел на любовь не как на самостоятельную цель, а как на превосходное и незаменимое вспомогательное средство. Поэтому я никогда не составлял себе преувеличенного понятия о наслаждениях любви, и следовательно, я был совершенно застрахован против всяких разочарований и охлаждений. Мне нравится наружность моей жены, но я бы никогда не решился сделаться ее мужем, если бы я не был вполне убежден в том, что она во всех отношениях способна быть для меня самым лучшим другом. Я внал всю ее жизнь и все ее наклонности, прежде чем я решился сделать ей предложение. Она знала всю мою жизнь и все мои наклонности, прежде чем она решилась принять мое предложение. С тех пор, как мы сошлись, мы ведем труд наш общими силами. Она понимает, чего я хочу, и я тоже понимаю, чего она хочет, потому что мы оба хотим одного и того же, хотим того, чего хотят и будут хотеть все честные люди на свете. Она знает, каким образом моя работа связывается с общею целью; она знает, зачем я читаю ту или другую книгу, зачем я пишу ту или другую статью, зачем я принимаю одно занятие и отказываюсь от другого; и она тоже читает, пишет, занимается теми или другими работами, и я также знаю, как нельзя лучше, почему она поступает так, а не иначе. Мы часто читаем вместе, часто читаем врозь, часто спорим об отдельных подробностях и часто изменяем эти подробности, когда спор кончается торжеством противоположных аргументов. Все силы ее ума и ее начитанности постоянно находятся в моем распоряжении, когда я нуждаюсь в ее содействии; все силы моего ума и моей начитанности постоянно подоспевают к ней на помощь, когда она чем-нибудь затрудняется. Этот ежеминутный обмен услуг превращает самую сухую работу в живое наслаждение и оставляет за собой неизгладимый ряд самых обаятельных воспоминаний. Чем больше таких воспоминаний, чем больше взаимных услуг, чем больше работ, улаженных общими силами, тем теснее наша дружба, тем полнее наше взаимное доверие, тем непоколебимее наше взаимное уважение. А тут еще присоединяется ощущение любви, в тесном смысле этого слова, тут еще дети, как новая живая связь между мною и ею; а тут еще ее неизбежные страдания, которые делают женщину священной в глазах каждого мыслящего человека. Я этих страданий не могу разделить с нею, поневоле же я должен вознаградить ее за них удвоенной нежностью и безграничным уважением; а тут еще воспитание детей, как новый вид общей работы, которую мы оба сумеем вести сообразно с далекою и высокою целью всего нашего существования. Одна и та же личность является, таким образом, для меня товарищем по работе, другом, женою,

страдалицею, матерью и воспитательницей моих детей, — и вдруг выдумывают, что я не способен любить одну личность.

И вдруг произносят тут слова: охлаждение, разочарование, супружеская ревность или супружеская неверность. Чорт знает, что за чепуха! Охладеть к другу потому, что он десять лет был другом. Разочароваться в этом друге потому, что мы вместе с ним постарели на десять лет. Подозревать этого друга в том, что он будет со мною лицемерить. Искать себе новой привязанности, когда старый друг живет со мною в одном доме. Скажите, пожалуйста, есть ли человеческий смысл в подобных предположениях? А ведь для эстетиков и романтиков эти самые предположения оказываются непреложными истинами. Почему? Очень просто. Потому, что жена никогда не бывает для них другом. И мужчины и женщины, одержимые эстетическими стремлениями, постоянно в течение всей своей жизни играют в игрушки. У них и муж—игрушка, и жена—игрушка. Пока игрушка блестит, пока она имеет прелесть новизны, до тех пор ею потешаются. А чуть только блеск и новизна пропали, является горькое сожаление о том, что игрушку нельзя бросить в помойную яму»¹.

Я обещал показать, что принципиальная позиция Писарева может дать ключ к обоснованию наших современных взглядов и, думаю, сдержал свое обещание. Семья, образец какой нарисовал нам Писарев, должна стать нашей программой минимум. Разве она, как полагает Незнамов, «отклоняет молодежь от борьбы за социалистическое строительство?» Наоборот. Она помогает ей упорядочить личный быт и соединенными силами работать над общественной задачей, над осуществлением своего идеала. Если бы такова была каждая семья партийца и комсомольца, поверьте, наше движение к социализму ускорило бы во много, много раз.

* * *

Оглядываясь назад, я вижу, что отведенное мне место израсходовано мною полностью, а я далеко не сказал всего, что думаю. Чтобы не заедать чужого времени, я кончаю, кончаю тем же, чем начал: мы всласть наговорились о любви и браке, исписали вагон бумаги, довели вопрос до предельной ясности — давайте, товарищи кончать!

Разговоры должны смениться делом: надо воспитывать твердое, уверенное в себе комсомольское общественное мнение, крепящее устой социалистической морали и семьи; отличающее добро от зла и любовь от распутства; авторитетное и настойчивое, чтобы его уважали, чтобы с ним считались, чтоб его притвора, как клейма на лбу, трепетали вольные и невольные мародеры пола!

¹ Д. Писарев — „Реальности“. Пгг. 1923. Стр. 123—127.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

М. ЕВДОКИМОВ

Критические заметки

В быту и работе комсомольского актива часто царит еще трехполка, консерватизм и просто невежество. На это—свои причины.

Тут и текучесть, непостоянность состава нашего актива, все еще высокая политическая безграмотность, неумение подавать лозунги активу, с одной стороны—они слишком общи, расплывчаты и так и не доходят до сознания активиста, с другой стороны—иногда они настолько незначительны, сухи и ведомственны, что не способны заразить, воодушевить, зажечь комсомольского работника и т. д.

Правда, чем дальше, тем глубже в прошлое уходит трехполка. Ведь зреет большая свежая сила. Растут новые легионы молодого комсомольского актива. Они уже далеко вперед ушли от своих предков. Но ведь много еще осталось от предков, некоторые из них, вопреки законам природы, сохранились и поныне. То, что мы здесь говорим (а касаемся мы здесь только слабых сторон) относится преимущественно к предкам. Кое-что, однако, относится и к новичкам. Во всяком случае, речь идет не о всей массе актива, а только об *отдельных* незначительных слоях его, которые несут собой большую опасность для союза.

Бороться за мировоззрение!

Много у нашего актива от Ильи Ильича Обломова. Бывает, что пока какой-нибудь тов. Кошкин-Ложкин раскочаится, и ячейка-то вся развалится, и дом-то ячейкин разрушится, и сам его величество активист начнет заживо разлагаться. Нет достаточной настойчивости, упорства, нет, пожалуй, даже целеустремленности.

Взялся товарищ проводить свой план и, чуть малейшее препятствие—у него уже беспомощно опускаются руки, отказывается служить язык, каменеет голова. Товарищ принимается таким же способом за второй план и, если снова неудача—снова разочарования, и так без конца. Подучается, по выражению Писарева, мартышкин труд. Это отсутствие настойчивости, обломовщина эта заходит гораздо дальше, чем можно подумать сначала. Кошкины-Ложкины начинают смотреть на свою работу (общественную комсомольскую работу) спустя рукава, не за совесть, а за страх. Так прививается бесхарактерность и беспринципность—эти главные бичи общественности.

Выражаясь образно, создается тип, который *сегодня* служит в церкви, а *завтра* молится в синагоге. Тип этот неспособен отстаивать свои взгляды, принципы, убеждения. При первой же неу-

даче он может поддаться на удочку своего противника. В конце концов, подобный тип, не умеющий защищать взгляды своего коллектива, своей группы, превращается в безделушку, в Ваньку-Встаньку, который, куда ветер подует, туда и любезит.

Ведь не секрет, что среди актива есть отдельные Ваньки-Встаньки. Лучшее оружие против них—это комсомольская общественность и критика.

Не подлежит никакому сомнению, что критическими весами наш союзный актив пользуется иногда неумело, а иногда и просто не пользуется. А между тем, любимейший девиз Маркса—«Подвергай все сомнению!»—должен быть воинствующим лозунгом каждого, кто не зарос мохом обывательщины, ржавчиной индифферентизма, плесенью умственной лени. Ведь, порой дело доходит до чудовищного абсурда. Предпишет какой-нибудь слух пари небесного заведомую чушь нашим Ляпкиным-Тяпкиным от комсомола, а они-то (предписания-то) не продумают, не раскусят его со всех сторон и прямо начинают «увязывать». Результаты, конечно, самые плачевные.

Да! Нашему активу нужна огромная критическая работа. Критиковать, ведь, в конце концов, значит думать, рассуждать, осмысливать, а это одно из прекраснейших свойств человека. в том числе и комсомольца. Ни один шаг, ни один поступок комсомольца не могут быть сделаны *так-себе*, без толку, без полного и глубокого убеждения в их необходимости. Эта убежденность, осмысленность, эта критическая работа должна проникать во все поры нашего быта и работы, начиная с будничных мелочей и кончая более широкими явлениями. Только в этом случае комсомольский актив сумеет сложить разрозненные кирпичики своих знаний и взглядов в стройную и могучую пирамиду мировоззрения. За это мировоззрение наша молодежь борется, за него *в первую очередь* должен бороться комсомольский актив.

Наше мировоззрение—марксизм, ленинизм. В условиях *капитализма*, загнанное и преследуемое, оно завоевывает только *отдельные* единицы, сравнительно *узкие* массы наиболее революционных, закаленных и испытанных рабочих. Сейчас, в условиях *пролетарской диктатуры*, когда нет ни капиталистов, ни помещиков, когда есть партия, властвующий гегемон-пролетариат, социалистические начала, — революционное мировоззрение становится доступным уже *широким* массам, тысячам и десяткам тысяч молодежи. Именно поэтому нужна особенно настойчивая, особенно терпеливая и в то же время *жадная борьба за мировоззрение*. Да, борьба! Потому что тот, кто усваивает одни только коммунистические лозунги, не поняв, не усвоив *всей системы* марксизма-ленинизма, кто, таким образом, не в состоянии пользоваться оружием диалектического, т.е. революционно-критического мышления—тот не идейный борец, а тухлая колбаса, которую чем начинишь, с тем она и пойдет.

Роль комсомольского актива гораздо шире, чем представляют некоторые. Дело сводится не только к простой защите повседневных мелких интересов рабочей молодежи, но и к живому, идейно-политическому руководству ею, на основе учения Ленина, на основе программы и политики ленинской партии. И вот, если не сужать роли и задачи вашего актива, если представить их себе во всей их значимости и во всем их величии, становится особенно ясным, как важна в условиях комсомольской работы борьба за революционно-ленинское мировоззрение. Но как мы заметили, эта

борьба невозможна без главнейшего условия—живой критической работы комсомольского актива.

Ведь только при этом условии можно предохранить союз от беспринципности и половичатости, от безыдейного и идейного паразитизма, от штамповщины и молчаливства, которыми, без сомнения, некоторые слои нового молодого актива заражены. Разумеется, комсомольская критика должна быть вставлена в некую классово-выдержанную оправу. Но аппетит приходит с едой, а уменьше—с делом. Важно начать.

Этому мешают и, вероятно, будут мешать впредь комсомольские Юлии Цезари, непогрешимые папы, выскочки и хвастунишки, которые неспособны признать свое убожество даже тогда, когда оно бьет ключом.

А вы сидите да кропайте,
С чужих пиров об'едки подбирайте.

(Гете „Фауст“)

—скажет им комсомольский актив. Мы же будем делать свое творческое дело!

„Когда я работаю, я не думаю о себе“

Попрежнему больной вопрос—о *массах*. Когда Ленин писал о союзе с массами, о смыкании, о срастании с ними—это не была фраза, эффект, жест. Все учение Ленина, вся его жизнь, весь его личный пример говорит об этом. Между тем, кое-кто из активистов этого не усвоил.

В одном из номеров «Юного Коммуниста» инструктор ЦК тов. Беспалов хорошо писал на эту тему. Он указывал, что внутри актива сложился, или складывается такой тип, который думает о чем хотите—оперетке, чарлстоне, пивнушке,—только не о массе. Тип этот ограничивает круг своего общения и наблюдений, так сказать, аристократической верхушкой. Массу же он видит только через форточку из своего кабинета. Его масса видит преимущественно на официальных докладах и отчетах. Постоянного, органического взаимодействия здесь нет. Складывающийся тип отучается, отвыкает от быта, настроений и психологии молодежи, а иногда и просто чужд им. Неудивительно, что подобная «связь» сказывается в конце-концов на работе, создаются известные ножицы между таким активом и рядовыми шеренгами комсомольцев. Конечно, отмеченный тип—не массовый, но он несомненно существует и несет с собой колоссальные опасности.

Нашему активу нужно воспитывать в себе чувство величайшей ответственности перед массой. Не только вся работа, но и весь быт его должен проходить на глазах у масс, находиться под ее судом и контролем. Это, конечно, не значит, — и совсем не значит, что актив должен потапать массе и слепо следовать за ее болезнями и предрассудками. Есть и такой тип. С хвостистскими и махаевскими настроениями нужна беспощадная борьба. Но прислушиваться к голосу масс, не стесняясь и не боясь признавать свои ошибки (Ленин это умел и учил этому!) — вот минимум, что требуется от нашего актива.

Отрыв от масс и общение с узким кругом комсомольской верхушки рождает опасность *карьеризма* и угодничества. Ведь это же факт, что в союзе есть комсомольские помпадуры, которые свое бюрократическое администрирование дополняют плохо прикрытым

лакейством, которые в угоду «начальству» чуть ли не спинку готовы потерять, послушно одалживать деньги, бегать петушком и кукурекать.

Пресмыкающиеся проходимцы эти рассматривают всю нашу работу, все наши идеалы, все наше социалистическое строительство не как священную историческую задачу пролетариата, а как выгодное место службы, где можно получить тепленькое местечко, хороший чин и приличное жалованье.

Карьеризм и годничество — родные братья беспринципности и молчаливства.

Ленинец — это тот, кто не за страх, а за совесть, и не ради жалованья, а ради интересов всего рабочего класса, всех угнетенных отдает все свои силы, свою жизнь служению революции.

«Когда я работаю — я не думаю о себе» — говорил Дзержинский перед смертью. Под этим девизом борется и будет бороться впредь каждый активист. А лакеев и прихлебателей, шкурников и карьеристов будем гнать железной метлой комсомольской общественности.

Споры на кухне

Еще один тяжелый недуг подтачивает, словно червь, живой комсомольский организм. Это — знаменитая *склока*.

(«О, склока, — писали одесситы, — ты нам — папа, мама, а вместе с тем родная дочь»).

В театре Сатиры под таким названием шла пьеса. Естественно, дело происходит на кухне. Некая рассеянная барынька садится на яйца, принадлежащие другой. У одной — испорчена пицца, у другой — новое платье. Поднимается невообразимая драка, дебош, драма с прологом и эпилогом. В ход пускаются проклятья, кулаки, ухваты и кастрюли. И вот такие кухонные дразги буквально из-за выеденного яйца, по некой славной традиции, как бы в наследство переходят от одного поколения комсомольского актива к другому.

Правда, некоторые «политики» стараются подвести под эти дразги «идеологический базис», но все это, конечно, пустейший вздор. В конце-концов, беспринципность и бесплодная обломовщина — вот что лежуги в основании наших склок.

Большую услугу здесь оказывают комсомольские Держиморды и Сквозник-Дмухановские своим грубым зажимом и фельдфебельским руководством. Происстает все это от неуважения к человеку, от презрения к нему, но об этом в последнее время пишется уже не мало и, надо думать, пойдет на пользу.

Наконец, еще о чем надо поговорить — это о культурной отсталости нашего актива. Она еще слишком велика. Мало читают, мало видят. Анкета на последней всесоюзной конференции показала, что многие не читают даже «Правды», «Большевика», «Юного Коммуниста». Только жалкие единицы знакомятся с художественной литературой и уж совсем мало читают Маркса, Ленина, Энгельса. И это — делегаты всесоюзной конференции, передовой актив! Что же можно подумать об активисте-середняке или, особенно, о низовом активе? В стороне от нашего актива — музыка, живопись, театр, скульптура, спорт. Считается это все еще дурным тоном, мещанством, мелкобуржуазной стихией. Не умеют, не хотят жить красиво, сочно, полной грудью.

Чего и говорить, трехполка!

У нас слишком еще мало знают актив. Систематического, глубокого изучения его пока все еще не ведется. Поэтому возможно, что я несколько стусил краски, обобщил и, не задев положительных сторон, нарисовал «мрачную» картину. Может быть. Важно создать общественное мнение вокруг темных и больных сторон союза.

Несомненно, мы победим и комсомольскую косность и бескультуре.

Ведь в жилах комсомольца течет горячая, задорная кровь, а в груди его бьется пламенное сердце, которое во что бы то ни стало рвется к лучшей жизни, к победе.

За единый боевой орган

С журналами у нас большая путаница, большая каша. Столько их расплодилось, и влачат они такое жалкое существование, хоть и шумят о себе, что дольше терпеть невозможно. Есть журналы, имеющие 90 подписчиков. 99% тиража их идет на сеledку. Этакая расточительность!

На журнальном рынке комсомола перепроизводство, конкуренция, параллелизм и распыленность сил. Борьба за качество становится здесь актуальнейшей задачей. Попытаемся доказать это на частном примере.

Сначала, однако, несколько общих положений.

Прежде всего — кусочек истории. Первый всесоюзный журнал комсомола вышел в 1918 году. Это был «Юный Коммунист». Тогда, при отсутствии другой комсомольской литературы, и в особенности периодики, «Юный Коммунист» был главным центром, вокруг которого группировались и на котором воспитывались активные передовые слои союза. Журнал сразу же стал живой трибуной комсомольского актива. Вопросы текущего момента, программы союза, практика его работы в самых различных областях — ставились здесь в живой, заражающей форме. И хотя, на ряду с дискуссионными статьями о классовости, массовости, дунаевщине, волновавшими весь союз, печатались стишки Безыменского и даже беллетристика, «Ю. К.» был действительно руководящим, боевым органом союза. Не только губернские организации, но и районные и даже ячейки выписывали и с жадностью читали свой журнал.

По мере развития союза, по мере роста комсомольской печати стали появляться уголки, странички молодежи, а потом даже самостоятельные комсомольские газеты и журналы. «Юный Коммунист» начинает заметно видоизменять свое лицо. Теория и политика становятся центральным местом журнала, практические вопросы комсомола освещаются в обобщенном виде. «Юный Коммунист» теряет значительные кадры своих корреспондентов, читательский круг его намного уменьшается. Происходит механическое отсеивание, «чистка» читательских рядов. Рядовые комсомолцы только единицами подписываются на «Ю. К.» Он становится центральным органом руководящего актива.

Но союз рос, рос и его актив. Скоро стало ясным, что «Юному Коммунисту» не под силу справиться с теми тысячами и тысячами, которые поднимаются из недр фабрики и деревни на активную работу в комсомоле. И вот в 1924 году, знаменовавшем эту именно полосу в истории союза, выходит в свет первый номер «Молодого Большевика».

«Молодой Большевик» — читаем мы в программной редакционной статье — не только журнал для активиста-массовика, но он

должен быть журналом актива, т.-е. таким, который всякий активист считал бы своим, на страницах которого он делится своим и всего союза опытом. Без этого нельзя приблизить журнал к широкой массе активного кадра нашего союза. Вот почему *главное место в журнале мы отводим для статей комсомольцев, работников фабрично-заводской и деревенской ячейки*.

Таким образом, вновь появившийся журнал сразу же взял определенную ориентировку на *широкие* слои актива и особенно на его *низовые* слои.

Это вполне естественно, так как чем дальше, тем больше «Ю.К.» определялся как журнал подготовленного, квалифицированного, передового актива. При отсутствии же других органов нарождавшиеся кадры нового фабрично-заводского и деревенского актива предоставлялись самим себе, оставались без поддержки и внимания союза. Между тем, именно тогда союз выбросил лозунг терпеливой и настойчивой ленинской учебы.

В первых номерах «М. Б.» мы находим популярные статьи о Ленине и диктатуре пролетариата («Родители Ленина и их время», «Детские и юношеские годы Ильича», «Как изучать ленинизм»), статьи на общие темы комсомола и многочисленные заметки с фабрик и заводов об их союзной практике. Весь этот материал подавался, как и следовало, в крайне популярной и живой форме.

Итак, с 1924 года произошло некое разделение труда между двумя центральными журналами комсомола, (хотя «М. Б.» и выходил под маркой Московского Комитета.

С одной стороны, «Ю. К.»—орган наиболее подготовленных и квалифицированных слоев актива. Его программа: вопросы теории и практики ленинизма, теория и практика юношеского движения, вопросы КИМ'а, дискуссии по общим вопросам союза.

С другой стороны — «М. Б.», орган широких масс актива, в том числе, и в особенности — низового. Ударение в журнале делается на популярном разъяснении основ ленинизма и обмене опытом работы между ячейками.

Шло время и оно наглядно показывало, что даже наличие двух журналов не позволяет справиться с громадной массой подрастающего актива. Как журнал ежемесячный, «Молодой Большевик» кроме того отставал от жизни, плелся в хвосте комсомольской работы.

Летом 1925 года выходит «Комсомольская Правда», которая сразу же становится боевым органом комсомольского актива, преимущественно середняков. Казалось бы, что появление ежедневной массовой газеты союза должно было решить судьбу «Молодого Большевика». Но последний оказался немалым эгоистом и, вопреки воле, окружающих, стал продолжать свое существование. Растерявшись от неожиданного и внезапного появления на свет такого могущественного конкурента, как «Комсомольская Правда», «Молодой Большевик» в панике начинает бешено менять свое направление в лицо, подделываясь под характер «Ю. К.».

С этого момента начинается определенный параллелизм в работе двух журналов.

Одна и та же программа, одна и та же читательская среда, даже один и тот же круг авторов — все это начинает крайне обострять положение и мешает деятельности обоих журналов.

Союз имел два органа актива и в то же время ни одного.

Очевидно, чтобы не быть совсем похожим на «Ю. К.», «М. Б.» главное внимание уделяет вопросам комсомольской работы, зато крайне слабо освещает проблемы ленинизма, социалистического строительства и даже основные вопросы юношеского движения.

Такая картина сохранилась до сих пор.

Внимательное изучение комплекта «М. Б.» показало нам следующее.

В 12 номерах журнала, т.е. за шесть месяцев, было напечатано всего 5 статей на общие темы, а именно: диктатура пролетариата или диктатура партии, роль рабочего класса в строительстве социализма, чем владеет частный капитал, почему нужно снижать цены и малосенькая, в одну пятую листа, заметка—«Что мы строим». В ряде номеров (5, 9, 11—12 и т. д.) нет ни одной статьи на общие темы. Отсюда видно, что политика в журнале буквально в загоне.

В самом деле, острейшие внутривнутрипартийные разногласия вовсе не нашли себе освещения в журнале. Вопросы китайской революции, англо-русские отношения, рационализация, капитальное строительство и многое другое осталось в стороне от журнала. Таким образом, боевой руководящий орган комсомольского актива стал по сути дела аполитичным органом, отстающим от современности, шлепущимся в хвосте событий и не дающим социалистической перспективы комсомольскому активу.

И это в то время, когда по уверениям «Комсомольской Правды» мы имеем резкое понижение интереса среди актива к политической литературе, когда политическое воспитание становится во главу угла всей работы союза.

Это еще, однако, не все. Посмотрим, как работает журнал над интернациональным воспитанием нашего актива — этой важной областью агитационно-пропагандистской работы.

Оказывается, за шесть месяцев журнал поместил всего две статьи этого характера, при чем одна из них — обзорное.

Так, журнал держит читателя в курсе международных событий, международного юношеского движения. Действительно, национальная ограниченность!

Но, как оказывается, журнал прихрамывает не только на идеологическую ногу. Даже непосредственные вопросы комсомола, значащиеся на титульном листе журнала, ставятся только между прочим.

В 12 номерах журнала мы находим всего около десяти статей по вопросам союза. Такие важнейшие моменты комсомольской работы, как проблема политики и культурничества, партийного и пролетарского руководства, роста союза, рационализации, безработицы, брони подростков, внутрисоюзной демократии, комсомольской печати, вузов — вовсе не затрагивались «Молодым Большевиком». Вместо всего этого читатель получает в лошадиной дозе легкие фельетоны на бытовые темы (о богеме, пиявках, «Луне» и т. д.), которые очень живо читаются, но которых совершенно недостаточно для коммунистического воспитания руководящих кадров комсомола.

Правда, в последнее время большое место в журнале занимает обмен опытом работы. Это положительное явление. Но и здесь «но»... Во-первых, этот материал пока что подается вне всякой системы, отчего заметки делаются случайными и мало между собой связанными. Во-вторых, сами заметки носят газетный характер, их с

успехом можно и должно поместить не в «Молодом Большевике», а скажем, в «Комсомольской Правде».¹

Наконец, нельзя не остановиться на критико-библиографическом отделе журнала. Этого отдела, по сути дела, не существует вовсе. Всего в 12 номерах «М. Б.» помещено что-то около пяти рецензий, из них только две — на комсомольские книжки, при чем обе они занимают от 30 до 40 строк. Важнейшая политическая, партийная и комсомольская литература (внутрипартийные разногласия, китайские события, продукция книгоиздательства союза «Молодой Гвардии») не нашли себе отзыва в журнале.

И если принять во внимание еще сравнительно слабый тираж журнала, крайне узкий круг авторов, непомерно высокую подписную цену и т. д. — создается далеко невыгодное впечатление о «М. Б.»

Однако, и «Ю. К.», где вопросы теории и политики, как и комсомольские проблемы, занимают значительно большее место, имеет ряд недочетов.

Журнал все еще слабо связан с читательской массой. Это большой минус. Журнал теряет, таким образом, возможность во время ставить вопросы, освещать их в определенной, желательной для читателя форме. До сих пор в журнале не достигнуто нормальное соотношение между материалом общим и комсомольским. Иногда последний занимает меньшее место, чем это нужно было бы. Часто статьи носят академический и сугубо директивный характер. Высокая цена журнала, относительно слабый тираж, слабая техника — все это, вместе взятое, заставляет нас серьезно задуматься о журнале.

Каковы же выводы?

Комсомольскому активу не нужно двух самостоятельных, совершенно одинаковых по типу, журналов. Для широких слоев актива центральным органом должна остаться и остается «Комсомольская Правда». Для наиболее подготовленного руководящего актива нужен один специальный общественно-политический и практический орган. Нужен один боевой журнал, в котором бы комсомольский актив получал все необходимое как для своего теоретического ленинского воспитания, так и для поднятия своей квалификации, своего практического уровня.

Журнал не должен бояться терпеливо, из номера в номер, освещать важнейшие проблемы ленинизма, политики партии и власти во всех областях социалистического строительства. Здесь нужно во что бы то ни стало привлечь старую гвардию, виднейшие партийные силы, литераторов и специалистов.

Нужно постоянно держать читателя в курсе юношеского движения во всех странах. Работники КИМ'а и наших братских секций должны быть привлечены к постоянному сотрудничеству в журнале.

Основные вопросы комсомольской работы должны быть центральным местом журнала. Постоянно обобщая опыт работы союза, журнал в то же время должен поставить на своих страницах живой обмен опытом.

Для этого необходимо теснейшим образом связаться с местными организациями и работниками, начиная от губкома и кончая особенно крупными ячейками.

¹ Нельзя не отметить, что эту задачу — задачу обмена опытом работы — с успехом выполняет другой орган МК — «Известия». Это только подкрепляет наши выводы. — В. Р.

Кроме того, в каждом номере журнала непременно должен быть дискуссионный отдел. В «М. Б.» такой отдел совершенно отсутствовал, в «Ю. К.» же помещались дискуссионные статьи, но широких дискуссий по ним почти не открывалось.

Наконец, нужно ввести в систему рецензирование юношеской комсомольской литературы, и не только русской, а даже, как это делается в «Ю. К.»,—заграничной.

Наконец, должна быть улучшена техника журнала, снижена цена, изменен формат и т. д.

Только такой боевой орган, связывающий широкие вопросы партии и комсомола с непосредственными задачами комсомольского актива, способен пробудить у союза живой интерес к своему журналу.

Спрашивается, как создать такой боевой орган комсомольского актива?

*Путь простой—слияние двух существующих журналов комсомольского актива — «Юного Коммуниста» и «Молодого Большевика».*¹

Нужно помнить, однако, что «Ю. К.» имеет определенные преимущества перед «М. Б.». Как известно и как мы отмечали это выше, в «Ю. К.» вопросы теории и политики и практики комсомольской работы занимают гораздо более широкое место. «Ю. К.» связан преимущественно с Москвой, Центрально-Промышленным большей (всесоюзной) аудиторией актива, в то время как «М. Б.» связан преимущественно с Москвой, центрально-промышленным районом.

Наконец, «Ю. К.»—старейший орган союза, существующий с 1918 г., имеющий за собой славную историю и славные традиции.

Вот те аргументы, которые говорят за то, что при слиянии двух журналов—а его нужно провести во что бы то ни стало—в основу нужно положить именно «Ю. К.», а не «М. Б.», который, как мы показали выше, не является политическим и боевым органом союза.

В конце прошлого года специальное совещание при Отделе Печати ЦК ВКП единодушно пришло к такому именно заключению.

Необходимость слияния достаточно остро чувствует и комсомольский актив. Пора от слов перейти к делу.

И чем скорее, тем лучше.

¹ Не мешает задуматься, пока не поздно, и о судьбе «КИМ'а». Положение его еще более катастрофично. Не лучше ли было бы и его слить с «ЮК'ом»? В. Р.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. ЛЕНИН. Пути английского рабочего движения. Госиздат. 1927 г. 313 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Лондон наравне с Москвой последние годы является полюсом мировой политики. Вполне понятно отсюда значительное внимание, которое ей уделяют трудовые массы нашей страны и в частности организованная молодежь — комсомольцы. В отношении последней перед нашим активом большая и серьезная задача: использовать этот интерес и, расширяя и углубляя его, перевести с беглого знакомства к капитальному изучению. Мало знать, что фамилии врагов Болдуин и Чемберлен, что Макдональд — социал-предатель; нужно еще знать экономику страны. Динамику ее движущих сил. Чтобы победить врага надо досконально изучить его слабые и сильные стороны.

Англия считается страной монополистического капитализма. Ее историей Маркс иллюстрировал „Капитал“, Энгельс начал свой социалистический путь с „Положения рабочего класса в Англии“, — книги до сих пор не утратившей свежести. Жаль, что никто не удосужился переиздать ее в наши дни; она была бы более полезной, чем многие из выброшенных сегодня на книжный рынок изданий.

За много лет назад Энгельс с поразительной ясностью чертил путь развития Англии. В предисловии ко второму изданию „Пол. раб. класса“ он писал:

„Капиталистическое производство не может притти в равновесие: оно должно расти и развиваться или умереть. Уже теперь одно ограничение львиной доли Англии в снабжении товарами мирового рынка означает застой, нищету, избыток капитала, с одной стороны, и незанятых рабочих рук — с другой. Что же будет, когда прирост ежегодного производства совершенно остановится? Вот здесь Ахиллеса пята капиталистического производства. Его жизненный нерв — необходимость постоянного расширения, а это последнее становится теперь невозможным. Капиталистическому производству предстоит оказаться в тупике. С каждым годом перед Англией все ближе и ближе надвигается дилемма: кому погибнуть — нации ли или капиталистическому производству? Кому же из них предстоит эта судьба?“

Кажется, что это написано только вчера. . . Одни слепые сейчас не видят, что Англия — на ущербе. Экономическое могущество Великобритании недавней „владычицы морей“ — тает с каждым днем. Колоссальная безработица, непрерывные стачки внутри страны и волнения в колониях, сокращение внутреннего и внешних рынков, упадок торговли и промышленности, — все признаки загнивания, кризиса капиталистического строя налицо. Сомедшее с рельс в мировую войну капиталистическое хозяйство не может возобновить прежнего процесса развития на расширенной основе. „Нормальное“ развитие кончилось, пришло к нормальному результату.

В семидесятых годах Маркс писал Бугельману: „Англия обладает всеми необходимыми материальными предварительными условиями социальной революции. Чего ей недостает, так это духа обобщения и революционной страсти“. А немного спустя Маркс добавил к этому; „Прежде всего промышленные рабочие должны избавиться от своих теперешних вожаков“, этой „сволочи“, как квалифицировал он их в письме к Зорге.

Сорок лет спустя Ленин развил эту мысль. В некрологе Г. Квелгу, вождю английских рабочих, он дал блестящий анализ английского оппортунизма:

„В самой передовой стране капитализма и политической свободы английской буржуазии удалось в XIX веке расколоть английское рабочее движение. В половине XIX века Англия пользовалась почти полной монополией на всемирном рынке. Благодаря монополии прибыли английского капитала были невероятно велики: можно было поделиться чуточку крохами этих прибылей с рабочей аристократией, обученными заводскими рабочими.

Эта рабочая аристократия, имевшая тогда сносные заработки, замкнулась в узкие свескорыстно-цеховые союзы, отделившись от массы пролетариата и будучи в политике на стороне либеральной буржуазии. И до сих пор еще, пожалуй, нигде в мире нет такого числа либералов среди передовых рабочих, как в Англии.

Но в последней четверти XIX века дело стало меняться: монополия Англии подорвана Америкой, Германией и т. д. Экономическая основа узкого, мещанского профессионализма и либерализма среди английских рабочих разрушена, социализм снова подымает голову в Англии, проникает в массы и растет неудержимо, вопреки отчаянному оппортунизму английской около-социалистической интеллигенции“ (т. XII, стр. 240).

С тех пор (1913 г.) движение шагнуло неизмеримо далеко вперед.

В Англии есть небольшая, но крепкая компартия, комсомол, движение „меньшинства“ в профсоюзах и т. д. Для нашего читателя знакомство с современным рабочим движением в Англии безусловно обязательно. Без него нельзя составить сколько-нибудь отчетливого понимания хода событий и их причин. Первым шагом по пути этого обязательного знакомства и будет рецензируемая нами книжка Ленина. В ней собраны его высказывания по различным вопросам английского рабочего движения, а следил за ним Ленин, как известно, очень внимательно. „Можно смело сказать“, — вместе с составителем сборника, — что не было ни одного сколько-нибудь значительного события в английском рабочем движении XX столетия, не было ни одного сколько-нибудь значительного факта в политической жизни Англии, которые прошли бы мимо внимания В. И. и не встретили бы с его стороны внимательного изучения, исчерпывающей оценки и ясных продуманных тактических выводов“.

Особенного внимания заслуживают статьи „О вхождении в британскую рабочую партию“, „О задачах III Интернационала“ и глава о „Левом коммунизме в Англии“ из „Детской болезни“.

Помимо того, что они определили тактику английской компартии, они важны тем, что дают ленинский ответ на ряд положений оппозиции, воскрешающей типичные ошибки „левых“.

В итоге сборник послужит для комсомольского активиста лучшим введением к изучению разыгрывающихся ныне острых событий.

Исполнит

Мировое хозяйство

МОДЕСТ РУБИНШТЕЙН.—Капиталистическая рационализация. Изд. Профинтерна. М. 1927, стр. 79. Ц. 70 к.

Л. Я. ЭВЕНТОВ.—К характеристике современного положения мирового хозяйства. Изд. „Экономическая Жизнь“. М. 1927 г., стр. 157. Ц. 65 к.

НАШИ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ. Сборник под редакц. М. А. Савельева. ГИЗ. 1927 г., стр. 156. Ц. 1 р. 20 к.

Темы рецензируемых трех книг представляют несомненный интерес для широкого круга читателей. Рационализация является важнейшей экономической проблемой в СССР, и потому быть знакомым с тем, как осуществляется рационализация в капиталистических странах, продвигавших в этой области громадные сдвиги, естественно, совершенно необходимо. В капиталистическом хозяйстве рационализаторские процессы в значительной мере определяются в настоящее время возможностью сохранения достигнутой степени стабильности и дальнейшего развития. В этой связи книга Л. Я. Эвентова может быть рассматриваема, до известной степени, как продолжение и развитие темы книги М. Рубинштейн. И, наконец, сборник, посвященный хозяйственным достижениям СССР, дающий представление о нашем экономическом положении, в совокупности с упомянутыми двумя книгами знакомит в основных чертах читателя с современным хозяйственным положением всего мира и стоящими перед ним важнейшими экономическими проблемами.

Обратимся к каждой из книг в отдельности.

В отдельных докладах, газетных и журнальных статьях можно было ознакомиться с примерами рационализаторских достижений Европы и Америки. Однако, до настоящего времени мы не имеем сколько-нибудь систематизированного труда, дающего положительную и критическую оценку капиталистической рационализации. С появлением работы М. Рубинштейн можно считать этот существенный пробел в нашей экономической литературе несколько восполненным. Мы говорим «несколько» потому, что, отдавая должное книге названного автора, считаем, что за этой крайне интересной и полезной книгой должен последовать еще ряд, поскольку естественно крупнейшая проблема рационализации на Западе будет еще долгое время стоять в центре общественного внимания СССР.

Автор собрал для своей работы обширный и разносторонний материал, благодаря его (материала) большому интересу, не утомляющий, однако, читателя. В вводящей статье дается сжатая теоретическая характеристика капиталистической рационализации, как важнейшего фактора стабилизации современного капитализма.

Далее автор останавливается на основных путях, по которым капитализм стремится выйти из тупика, являющегося следствием последовательного и неизбежного хода исторического развития человечества и ускоренного последней мировой войной. Эти пути: 1) повышение эксплуатации рабочего класса, понижение заработной платы, уменьшение прав рабочих организаций (например, последний английский закон о профсоюзах) и т. п. и 2) рационализация производства. Одними из важнейших факторов общей рационализации хозяйства являются его электрификация и механизация. В этой области в течение последних 10—15 лет достигнуты огромные результаты. Так, в Сев.-Америк. Соедин. Штатах количество производимой электр. энергии выросло с 1912 г. по 1926 г. в $3\frac{1}{2}$ раза, при чем степень обслуживания промышленности электроэнергией поднялась с 26 проц. (к общему количеству потребления всех видов энергии) в 1909 г. до 67 проц. в 1923 г., достигая в отдельных отраслях промышленности 84 проц. (металлургия) и 100 проц. (машиностроение). «4 электр. станции Калифорнии, с несколькими тысячами рабочих, вырабатывают энергию, равную энергии, развиваемой постоянной работой 50 миллионов людей». В других странах происходит рост потребления электроэнергии в несколько меньших, но все же весьма значительных размерах. Даже в Китае наблюдаем огромное увеличение количества электрических станций: с 34 в 1912 г. до 400 в 1925 г.

На ряду с электрификацией происходит быстрый процесс механизации производства, захватывающий все страны и все отрасли промышленности и хозяйства. В Германии в 1914 г. добывалось только 5 проц. угля при помощи машин, а теперь—свыше 50 проц. Насколько далеко шагнула механизация видно из того, что в Германии найдены реальные возможности и способы снабжения почти всей страны газом из единого распределителя (в Руре) пе-

средством системы труб, протянутых из одного конца страны в другую (по самым последним сообщениям германской печати).

Другим важнейшим элементом рационализации является *ускорение* производства, базирующееся на новых усовершенствованных машинах и повышении интенсивности труда. До какой степени доводится последняя, можно судить по следующему, совершенно исключительному по своей наглости и циничности, объявлению, рекламирующему конвейерные приспособления: «*Неквалифицированная рабочая сила по 10 центов в час*. Постоянная, надежная, никогда не бастует, готова работать 18 часов в день за ту же ставку, работает без надзора и слежки. Действительно, американского происхождения, никогда не устает, не обращает внимания на жару, работает в 4 часа дня с такой же быстротой, как в 9 часов утра. Она будет поднимать и класть, схватывать и нести, подавать работу к машинам и уносить готовые продукты, нагружать и разгружать вагоны, переносить уголь, чугун или золу без рукавиц и жалоб. Она будет работать во дворе или где угодно, без закуливания и остановок для болтовни». Смысл этих дифирамбов вполне ясен: тут дело не только в том, что конвейеры приносят все эти «блага», а в том, что они *заставляют, вынуждают* рабочих, соприкасающихся с конвейерами, — «не уставать», «работать в жару, в 4 часа дня с такой же быстротой, как в 9 час. утра» и к тому же «без закуливания и остановок» и т. п.

Автор приводит ряд интересных отзывов различных делегаций и ученых о методе конвейера, в которых социальная природа этих «рецензентов» выявляется весьма вышукло. Нужно, однако, заметить, что действительно ученые исследователи не скрывают всей эксплуататорской сущности этого новейшего «достижения» капитализма, в его руках превращающегося в потогонное орудие, выжимающее все соки из рабочего, делающего его в расцвете лет полуинвалидом. Однако, повышение производительности труда достигается *не только* путем механизации производства, которая уже сама по себе повышает интенсивность труда. Здесь огромное значение имеет также непосредственное усиление интенсивности труда. Так, «интенсивность труда сварщиков (Германия) при сохранении прежней обстановки и очень плохой организации работы повысилась в 2½ раза», благодаря угрозам закрыть предприятие, конкуренции, премиальной системе и проч.

В V главе автор анализирует влияние рационализации на положение рабочего класса в капиталистических странах. Эта глава снабжена богатым материалом, ярко иллюстрирующим всю никчемность и живность реформистской постановки вопроса о «благости рационализации в обще-человеческом масштабе». Каковы эти «блага», можно судить хотя бы из следующего:

В Англии мы имеем (по официальным данным) 1,5 мил. безработных, в Германии—2 мил., в Америке—несколько миллионов и громадную безработицу в странах Востока и других странах Европы. В то же время, повышение производительности труда значительно отстает от роста заработной платы, подчас даже понижающейся в своих реальных размерах, доля зарплаты в стоимости продукции систематически уменьшается. Так, по исследованию проф. Дей, «производительность на человека во всех отраслях американской промышленности поднялась с 1899 г. по 1922 г., в среднем, на 40 проц., а реальная зарплата повысилась за то же время лишь на 4—5 проц.». По другим исследованиям реальная зарплата даже уменьшилась за эти годы. В угольной промышленности Юра производительность на одного рабочего выросла с 1913 г. на 20 проц., а реальная зарплата снизилась не менее, чем на 10 проц.

Отмечая далее, что, несмотря на рационализацию и фактическое *снижение себестоимости* производства, цены на товары *не понижаются* (следствие монополизации целых отраслей промышленности), автор дает характеристику усиливающимся в результате рационализации внутрикапиталистических противоречий, изменений в структуре рабочего класса и отмечает интересный факт заметного повышения удельного веса количества служащих и их роли в производстве; факт интересный, но, к сожалению, не нашедший в книге достаточного объяснения.

Книга заканчивается характеристикой последовательно предательского отношения реформистов к рационализации и кратким обобщающим заключением.

Книга, повторяем, представляет несомненный интерес для самого широкого круга читателей, написана легко и должна быть особенно рекомендована т. т., занимающимся и интересующимся вопросами экономической политики. Жаль, что автор совершенно не коснулся проблемы рационализации в СССР, но этот важнейший вопрос послужит ему, очевидно, темой для самостоятельной книги. Издана книга хорошо.

В сборнике статей Л. Я. Эснтова, под названием «К характеристике современного положения мирового капитализма», печатавшихся в «Правде» и

«Большевике», находим компактный материал, дающий представление об экономическом состоянии важнейших стран мира и некоторые обобщающие итоги касающиеся мирового хозяйства в целом.

Выявляя картину внутренних противоречий капитализма, в данной стадии его развития, находящихся особо резкое свое выражение в англо-американском антагонизме, автор приводит далее данные, характеризующие⁶ «восстановительный (после войны), этап капитализма. Эти данные говорят, прежде всего, о значительном повышении удельного веса Америки в мировом производстве и затем, о частичном достижении довоенных норм производства к концу 1925 г.; при этом, объем внешней торговли еще не достиг своих довоенных размеров. Если в области произв. чугуна Америка давала в 1913 г.—39,7 проц. миров. производ., то в 1925 г. ее участие поднялось до 57,3 проц., по производству стали имеем соответственно 41,6 проц. и 57,8 проц. и по углю—42,8 проц. и 52,1 проц. Приведенные цифры наглядно подтверждают огромное усиление промышленной мощи Америки, дающей более 50% мирового производства основных продуктов, на которых базируется развитие хозяйства.

В отдельных обзорах, посвященных Соед. Штатам Сев. Америки, Великобритании, Германии и Франции дается анализ основных и специфических для каждой из этих стран факторов их экономики. Америка, продолжающая производить многомиллиардные затраты на капитальное строительство (в 1923 г.—22 млрд. руб.), в то же время не может загрузить полностью имеющийся наличный производственный аппарат, и заводы работают с нагрузкой в 60—80 проц. и ниже. Причина кроется в слабой, относительно, емкости рынков сбыта, чему в немалой степени содействует огромный рост производительности труда, *не сопровождаемый* соответственным ростом реальной зарплат. Отмечая общий *пониженный* тон развития английской экономики, во многих областях уступающей пальму первенства американскому капиталу, автор останавливается на отдельных элементах хозяйства, где положение рисуется в более благоприятном виде, что относится к сфере финансового капитала и ряду новых отраслей промышленности (шелковая, химическая).

Особый интерес представляют обзоры, посвященные германскому и французскому хозяйствам. На примере этих двух стран—побежденной и победительницы — можно легко убедиться, насколько условными и трагическими являются *фактические* результаты империалистических войн.

Наконец, в последней статье, посвященной анализу пресловутой «демократизации» американского капитала, превращающего рабочего в «акционера», в «участника в прибылях» своего предприятия, в «банкира», вскрывается истинный смысл этих «достижений» американского рабочего класса. Все рассматриваемые статьи написаны легко и читаются с интересом; этот сборничек может помочь ориентироваться в современном положении капитализма, расширяя и дополняя в других разрезах ту картину, которая дается в книге М. Рубинштейна.

Наконец, в сборнике, посвященном хозяйству СССР, знакомимся с результатами хозяйственной деятельности за 1925/26 г. единственной и крупнейшей некапиталистической страны, в своем развитии базирующейся на принципах планового *социалистического* строительства. Помимо того, что сборник интересен с точки зрения ознакомления с нашей экономикой, он, в сопоставлении с предыдущими двумя книгами, рисует совершенно *новые и своеобразные* линии и условия развития. В сборнике даны отдельные обзоры о сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, внутренней и внешней торговле, о кооперации и финансах. Подводятся итоги прошлого года, намечаются перспективы следующего и освещаются новые проблемы, стоящие в порядке дня нашей работы (как-то: рационализация, повышение качества плана и др.). Отдельная глава посвящена вопросу о социалистическом плане и роли в нем «контрольных цифр». И, наконец, последняя часть сборника дает анализ темпов развития мирового капиталистического хозяйства и планового хозяйства СССР.

Сборник составлен по заданию агитпропа ЦК ВКП и рассчитан в первую очередь на агитатора и пропагандиста. По своему характеру подходит скорее к типу справочника, из-за обилия абсолютного и относительного цифрового материала, подчас чрезмерного. Исключения представляют последние две главы, посвященные «плану» и «темпам».

Жаль, что недостаточно освещен кардинальнейший вопрос нашего современного хозяйственного развития — вопрос о капитальном строительстве

Ян. Рубинштейн

В. ЗАВЬЯЛОВ. Социалистическая рационализация производства и задачи экономической работы ВЛКСМ. Изд-во „Молодая Гвардия“, 1927 г., стр. 56 35 к., тир. 5.000 экз.

Брошюра т. Завьялова содержит доклад, читанный на V всесоюзной конференции ВЛКСМ на эту тему, и ключевое слово.

Удельный вес комсомола в стране будет измеряться тем, насколько успешно он будет участвовать во всем хозяйственном строительстве Советского Союза. Поэтому автор вполне прав, когда он заявляет, что сейчас экономическая работа союза должна состоять не только в защите интересов рабочей молодежи, но и в активной помощи в деле рационализации производства, строительства новых заводов и вообще в деятельном содействии хозяйственному расцвету СССР.

С этой точки зрения экономическая работа ВЛКСМ должна по праву занять виднейшее место во всей системе работы союза.

На очереди стоит решение таких важнейших вопросов, как изменения в системе труда и образования рабочей молодежи, вытекающие из рационализации производства; производственное воспитание рабочей молодежи и поощрение изобретательства среди более квалифицированной части рабочей молодежи.

Рационализация производства делает форменный поворот в системе труда и образования рабочей молодежи, ибо она неизбежно влечет ряд изменений, особенно по отношению к школам фабрично-заводского ученичества. Это новое в экономработе особенно интересно в связи с поднимающейся проблемой введения сокращенного рабочего дня для ряда отраслей промышленности к концу хозяйственного пятилетия (1931-32 гг.).

Рационализация производства в основном влечет за собой организацию работ непрерывным потоком (конвейер и т. п.), автоматизацию отдельных производственных процессов, а в связи с этим известную нивелировку профессий и вытеснение ремесленной профессии-всепяйки из производств и замена (переквалификация) квалификаций, в соответствии с требованиями рационализирующейся промышленности.

Сейчас перед нами стоит вопрос о реорганизации фабзавуча и о приспособлении его к нуждам промышленности, работающей на новой технической основе. В этой связи уже должен быть поставлен вопрос о той сумме ремесленных навыков, которые нужно будет иметь рабочему. Тенденция развития

промышленности позволяют сделать тот вывод, что основная масса рабочих и в этом случае (рационализируемая пр-сть) должна быть подготовлена школами ФЗУ. Речь может идти лишь о том, сколько типов школ ФЗУ полезно иметь: 1 или 2, т.-е. готовить ли только высококвалифицированных рабочих через школу ФЗУ, или же и основную массу квалифицированных рабочих. На наш взгляд необходимо иметь 2 типа школ ФЗУ, с большим и меньшим сроками обучения, в зависимости от того, кого готовит данная школа ФЗУ: высококвалифицированного рабочего либо же рабочего средней квалификации, т.-е. той квалификации, которая будет основной в рационализирующейся промышленности и которая требует соответствующей подготовки.

Решение этого вопроса очевидно будет сопровождаться серьезным обсуждением его на страницах комсомольской прессы. В частности ред. «Ю. К.» уже поставила на обсуждение этот важнейший для союза вопрос, поместив в 10 № журнала статью т. М. Каплуна «Рационализация и ближайшие пути рабочего образования».

Нормы брони подростков (благодаря их несоответствию потребности промышленности в квалиф. раб. силе), установленные в 1922 г., подвергнутся в настоящее время пересмотру. Мы не должны закрывать глаза на то, что новые нормы брони будут значительно ниже ранее действовавших потому, что они будут отвечать требованиям промышленности в квалифицированной рабочей силе. Отсюда неизбежно на первое время сужение притока новых подростков в производство. Броня 1922 г. в основном имела задачей удерживать подростков в производстве и не прерывать подготовку новых квалифицированных рабочих. Сейчас же, новые нормы брони будут преследовать «учебные» цели, т.-е. цели подготовки новой квалифицированной рабочей силы.

Более усиленный приток в производство новых кадров подростков будет возможным при строительстве новых фабрик и заводов. Следовательно, рационализация производства, на первых порах вызывающая сокращение притока свежих кадров подростков, в конечном счете приведет к более усиленному привлечению подростков в производство.

Наконец, важнейший вопрос—система оплаты труда учеников, также претерпевает значительные формальные изменения. Этот вопрос не стоит в непосредственной связи с рационализацией производства, но он тесно сопрягается с ней. Профсоюзы выдвинули задачу упорядочения форм оплаты труда рабочих, дабы побороть ту та-

рифную путаницу и неразбериху, которая имеет место и по сей день.

Вопрос о зарплате в докладе т. Завьялова только ставится; сейчас же он уже решен в том смысле, что ученическая сетка в ряде производств, где это действительно необходимо, будет вводиться. При чем эта сетка должна сохранить фактический уровень зарплат учеников, достигнутый к моменту ее введения, и должна обеспечить повышение зарплат учеников в соответствии с общим повышением зарплат. Вопрос же о размерах этого повышения будет решаться в каждой отрасли промышленности, в зависимости от ресурсов, предназначенных на повышение зарплат рабочих, вообще.

Наиболее острый вопрос экономрабеты союза—безработица среди молодежи—обнаруживает в последнее время свою особенность значимость. Это обязывает принять ряд мер, способствующих смягчению безработицы. В частности, одной из радикальных мер, способствующих организованной борьбе с безработицей, является обязательный наем подростков только через биржи труда. Многие губернии и республики становятся на этот—вплоть, на наш взгляд—правильный путь. Ибо в противном случае основная масса безработной молодежи будет подвержена длительному пребыванию на бирже труда, в то время как, помимо бирж, будет происходить просачивание в производство.

Перейдем к оценке брошюры. Основным ее недостатком надо считать небрежную стилистическую и литературную обработку. Видимо, сценка издания сказалась на этой ее стороне. Издана брошюра хорошо, как и вся библиотечка конференции. Есть в брошюре уже устаревшие места («о зарплате», о «бронь»), в той их трактовке, в какой они ставились на конференции.

Рекомендуем ознакомиться с ней широким кругам комсомольского актива.

ЗИН ГРИШИН.—«О работе среди сезонной молодежи». Изд-во «Молодая Гвардия», 1927 г. 115 стр. Ц. 55 к., тир. 5.000 экз.

Книжка на эту тему, насколько нам известно, появляется впервые на книжном рынке. Надо отдать должное Изд-ву «Молодая Гвардия», которое поступило вполне правильно, издав такую книжку. Сезонная молодежь была как-бы забыта в комсомольской литературе.

Строительство—основной вид сезонных работ, поглощающий до миллиона

строительных рабочих,—начало развиваться в начале лета. Теперь строительство жилых помещений, корпусов фабрик и заводов идет полным ходом. Кроме него расширяются и другие виды сезонных работ (лесообработка, лесоснабв, с.-х. работы, водный транспорт, торфоразработки, рыболовство и т. п.), на которых, по приблизительным подсчетам, в этом году будет занято до 4-х миллионов человек.

Сезонный рабочий в массе, это—приходящий из деревни крестьянин. Партия в своих решениях о работе среди сезонных рабочих говорит о необходимости пролетарского воспитания сезонника, связанного с деревней, как о задаче, означающей усиление пролетарского влияния города в деревне и укрепление рабоче-крестьянского союза.

Отсюда совершенно ясна основная цель комсомольской работы среди молодых сезонников. Комсомол должен за короткое время пребывания молодых сезонников в городах и др. организующих центрах подготовить их в культурно-политическом направлении настолько, чтобы они могли по возвращении в деревню быть надежной опорой совета, парт'ячейки и ком'ячейки.

Условия труда сезонных рабочих во многих случаях заставляют желать лучшего. Плохие жилищные условия, сохранившееся подрабичество и пр.—все это создает ненормальную обстановку в быту сезонных рабочих. Тов. Гришин отметил в брошюре такой факт, когда по окончании работ подростки бегают за подрядчиком и со слезами на глазах просят отдать им заработанные деньги.

Книжка т. Гришина написана понятно и толково. Видно, что автор внимательно сортировал методы работы, прежде чем предпоставить их читателям. Большой плюс книжки заключается в том, что она написана на основе опыта работы комсомола среди молодых сезонников.

Недостатки книжки состоят в том, что она, главным образом, освещает работу и условия труда строительной молодежи, оставляя в тени другие, не менее многочисленные группы сезонников (с.-х. и лесн. раб. и т. п.). Слабо оттенены в ней вопросы социального подбора посылаемых на сезонные работы. Не мешало бы подробнее описать методы работы деревенских ячеек с возвращающимися в деревню молодыми сезонниками. Приложениями помещены важнейшие документы о работе среди сезонников.

А. ГОДУНОВИЧ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: И. Жолдак, Канеберг, Т. Костров, Д. Матвеев, А. Мильчаков, Д. Ханин и Н. Чаплин.

Ответственный редактор—Д. ХАНИН.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая пл., д. 6

НОВЫЕ КНИГИ:

Штейн, И. и Безбородов, С. Мастер и ученик. 32 стр. Ц. 10 к.

Витинг, М. — Что произошло в Вене? Революционное выступление австрийского пролетариата 15 июля 1927 г.

Содержание: От «лоскутной» монархии к «образцовой стране демократии». Слова социал-демократических болтунов и дела буржуазии. Рабочий класс Австрии восстал. Буржуазия, спасенная «австромарксистами», переходит в наступление. 28 стр. Ц. 10 к.

Лебедь, Д. Социалистическая рационализация.

Содержание: Социалистическая стройка. Линия социалистического развития. Рационализация капиталистическая и социалистическая. Пути рационализации. Рационализация и вопросы труда. 95 стр. Ц. 35 к.

Журавский, А. — На путях к рационализации производства. Под редак. проф. В. А. Панкина. Школьным Отделом ЦК ВЛКСМ одобрено и рекомендовано, как пособие и руководство для профтехнических школ самообразования и самоквалификации. (Серия «В помощь молодому рабочему»). С 18 иллюстр.

Содержание: Производство и потребление. Рационализация производства. Стандартизация. Экономика и учет производства. 152 стр. Ц. 1 р., в папке 1 р. 15 к.

Бронштейн, И. — История материальной культуры. С 47 рисунок.

Содержание: Дометаллические культуры. Металлические культуры. Материальная культура в эпоху замкнутого (натурального) хозяйства. Культура арабов при аббасидах. Материальная культура Европы в эпоху позднейшего средневековья (мелнового хозяйства). Материальная культура в эпоху торгового капитализма. Материальная культура в эпоху промышленного капитализма. Новейшие достижения материальной культуры. 204 стр. Ц. 1 р. 85 к. (папка 15 к.).

Глебов, В. — Современный антисемитизм и борьба с ним.

Содержание: Антисемитизм при феодальном строе. Национальная гонимая в эпоху капитализма. Антисемитизм в западно-европейских буржуазных странах. Антисемитская политика царского правительства. После Октября. Антисемитские настроения настоящего времени. Конкретные ответы на конкретные вопросы. Выводы. Библиография по антисемитизму. 56 стр. Ц. 20 к.

СЕРИЯ «ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ и МОЛОДЕЖЬ»

под ред. М. Алексинского и Н. Чаплина.

Чаплин, Н. — Военная опасность и задачи комсомола. 64 стр. Ц. 12 коп.

Николаев, Д. — Рабочей молодежи об опасности войны. 48 стр. Ц. 12 коп.

Фрумин, С. — Подготовка комсомола к обороне, 32 стр. Ц. 5 к.

★

В провинцию заказы высылаются наложенным платежом по получении 25 процентов задатка. При внесении всей суммы заказа вперед — пересылка и упаковка за счет издательства.

„КОМСОМОЛЬСКИЙ АГИТПРОПРАБОТНИК“

Двухнедельный орган Агитпропа ЦК и МК ВЛКСМ, имеющий своей задачей — помочь в практической работе комсомольскому агитатору и пропагандисту.

«КОМСОМОЛЬСКИЙ АГИТПРОПРАБОТНИК» является руководящим органом по всем вопросам политучебы.

В «КОМСОМОЛЬСКОМ АГИТПРОПРАБОТНИКЕ» даются систематические указания о том, как изучать политграмоту, как самостоятельно работать над политической книгой, какой круг вопросов прорабатывать для того, чтобы быть в курсе дел политической современности.

Каждая школа, приобретая «КОМСОМОЛЬСКИЙ АГИТПРОПРАБОТНИК», не только обеспечивает себя настольной книгой по изучению политграмоты, но неизмеримо облегчает себе овладение основами ленинизма.

«КОМСОМОЛЬСКИЙ
АГИТПРОПРАБОТНИК»

даст нужный материал для работы политшкол, агитколлективов, кружков текущей политики.

«КОМСОМОЛЬСКИЙ
АГИТПРОПРАБОТНИК»

является необходимым пособием для комс. агитаторов, пропагандистов, работников консекц. и т.д.

«КОМСОМОЛЬСКИЙ АГИТПРОПРАБОТНИК»

необходим каждому агитпропорганизатору ячейки, райкома, укома.

**КАЖДЫЙ АКТИВИСТ, КАЖДЫЙ КОМСОМОЛЕЦ ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ
«КОМСОМОЛЬСКИЙ АГИТПРОПРАБОТНИК»**

Подписная плата:

1 г.—4 р. 70 к., 6 м.—2 р. 40 к., 3 м.—1 р. 25 к., 1 м.—45 к.
Розничная цена отдельного номера (в газ.-журн. киосках)—25 к.

Подписку направлять почтовым переводом по адресу: Москва, Новая пл., д. 6, Издательству «Молодая Гвардия».